

12687.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ

МУЗЕЕВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

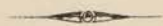
ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1865.

Б. М. Везобродову.

12687

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ
МУЗЕЕВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1865.

77190

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 4 марта 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. Зоологическій и зоотомическій музей. Статья академика $\Theta.$ $\Theta.$ Брандта.	1
II. Ботанический музей. Статья академика $\Phi.$ $\Pi.$ Рупрехта . .	36
III. Минералогическій музей. Статья хранителя музея, Ад. Гебеля.	58
IV. Азіятскій музей. Статья академика Б. А. Дорна.	76
V. Минцъ-кабинетъ. Статья хранителя сего кабинета Ал. Ив. Гримма	87

I.

ЗООЛОГИЧЕСКІЙ И ЗООТОМИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

СТАТЬЯ АКАДЕМИКА **Ө. Ө. БРАНДТА.**

Польза собранія зоологическихъ предметовъ была признана еще Петромъ Великимъ, хотя въ его время и смотрѣли обыкновенно на такія собранія, только какъ на диковинку, обращая особенное вниманіе на странныя, аномальныя, или искусственно извращенныя формы, въ которыхъ видѣли чудеса природы. Поэтому естественнoисторическія коллекціи служили скорее для развлеченія, чѣмъ для изученія.

Уже въ первое пребываніе свое въ Голландіи (1698), Петръ накупилъ значительное количество птицъ, рыбъ и насекомыхъ, которыя сначала, вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами, хранились въ главной аптекѣ въ Москвѣ, въ вѣдѣніи архіатера Арескина. Впослѣдствіи это собраніе переведено въ Петербургъ, гдѣ оно было помѣщено въ библіотекѣ стараго Лѣтняго Дворца и значительно умножено.

Къ наиважнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ того времени принадлежатъ предметы, купленные въ 1716 году отъ извѣстнаго амстердамскаго аптекаря и натуралиста Зебы, и собраніе данцигскаго естествоиспытателя Готвальда. Въ слѣдующемъ году Императоръ пріобрѣлъ натуральный кабинетъ извѣстнаго голландскаго анатома Руйша (Ruysch). Этотъ кабинетъ состоялъ изъ множества отличныхъ анатомическихъ препаратовъ, въ числѣ которыхъ были знаменитыя въ то время, пригото-

ленные самимъ Руйшемъ инъекціи, и богатѣйшее собраніе человѣческихъ зародышей (110). Кромѣ того, въ составъ коллекціи входило нѣсколько тысячъ зоологическихъ предметовъ изъ различныхъ классовъ животнаго царства и значительный гербарій. Въ 1727 г. къ Императорской коллекціи присоединено собраніе архіатера Арескина. Извѣстно, что Арескинъ, которому порученъ былъ надзоръ за зоологическимъ кабинетомъ, самъ интересовался подобными предметами, и потому, надо полагать, онъ имѣлъ немаловажное вліяніе на состояніе Императорскихъ собраній. Коллекція Арескина состояла преимущественно изъ раковинъ и минераловъ; кромѣ того въ ней находились изображенія насѣкомыхъ и растений, выполненныя на пергаментѣ знаменитою Марьею Сибиллой Меріанъ. (Въ послѣдствіи, именно въ 1735 году, собраніе этихъ изображеній увеличилось 30 рисунками, купленными Академіею).

До 1728 года, упомянутыя зоологическія коллекціи представляли, такъ сказать, придворный натуральный кабинетъ. Въ означенномъ году положеніе этого кабинета измѣнилось; онъ былъ, вмѣстѣ съ библіотекой, переведенъ въ выстроенное для Академіи зданіе и поступилъ въ ея вѣдѣніе. Къ концу 1729 г., въ новый академическій музей было доставлено медицинскою канцеляріею богатое собраніе предметовъ, собранныхъ Мессершмидтомъ въ Сибири. Къ 1741 году поступили туда зоологическіе предметы, собранные въ путешествіяхъ Гмелина по Сибири и Штеллера — по Сибири и въ Камчаткѣ, а также собраніе птицъ изъ окрестностей Петербурга.

Въ 1742 году академическая коллекція состояла изъ 212 млекопитающихъ, 755 птицъ, 900 земноводныхъ, 470 рыбъ, 218 раковъ и другихъ морскихъ животныхъ и изъ нѣсколькихъ тысячъ насѣкомыхъ; это видно изъ каталога, составленнаго, по словамъ Бакмейстера, отчасти Штеллеромъ (очевидно, ранѣе его путешествія), отчасти Гмелинымъ, и изданнаго подъ названіемъ *Museum Petropolitanum, Pars I*. Къ сожалѣнію, дѣло, столь прекрасно начатое, значительно пострадало отъ несчастія, случившагося 5 декабря 1747 года: пожаръ, охватившій тотъ корпусъ академическаго зданія, въ которомъ помѣщались коллекціи, истребилъ большую часть ихъ. Всѣ предметы, нахо-

дившіеся въ галереѣ и во второмъ этажѣ, сдѣлались жертвою пламени или потерпѣли значительныя поврежденія. При этомъ погибла между прочимъ большая часть присланнаго изъ Архангельска скелета исполинскаго кита. Кромѣ того, многія склянки разбились, и произшедшая отъ того потеря надписей произвела большой безпорядокъ въ указаніяхъ на мѣстопроехожденіе предметовъ; слѣды этого замѣтны и теперь, особенно относительно предметовъ, пріобрѣтенныхъ отъ Зебы. Все, что было спасено и поднято съ болотистой площади, окружавшей тогда зданіе Академіи, помѣщено на время во второмъ этажѣ дома Демидова. Еще находясь въ этомъ зданіи, музей значительно обогатился подаркомъ Датскаго короля, состоявшимъ изъ собранія раковинъ Регенфуса, а также покупками на аукціонѣ предметовъ Зебы, собраніемъ индѣйскихъ птицъ, присланныхъ въ подарокъ однимъ амстердамскимъ корреспондентомъ Академіи (1761), и пожертвованіемъ Императрицы Екатерины (1763), состоявшимъ изъ 700 экземпляровъ суринамскихъ животныхъ, привезенныхъ полковникомъ Дальбомомъ.

Вновь пополненное такимъ образомъ зоологическое собраніе, въ 1766 году, было переведено въ новое зданіе (т. е. въ прежнюю кунсткамеру, гдѣ нынѣ помѣщается библіотека Академіи). Здѣсь, въ теченіе времени отъ 1769 по 1774 годъ, въ музей поступило множество предметовъ, доставленныхъ: Палласомъ, С. Г. Гмелинымъ, Гильденштедтомъ, Лепехинымъ и Фалькомъ изъ ихъ знаменитыхъ путешествій въ различныя части Россіи.

По Бакмейстеру (стр. 112), въ 1777 году въ зоологическомъ кабинетѣ находилось: 469 млекопитающихъ, 1200 птицъ, 886 амфибій, 353 рыбы и нѣсколько тысячъ насѣкомыхъ и морскихъ животныхъ, въ спирту или высушенныхъ. Сверхъ того въ кабинетѣ хранились многочисленныя остатки мамонта и ископаемаго носорога съ костяною носовою перегородкою, а также нѣсколько видовъ допотопныхъ быковъ.

Такимъ образомъ академическая коллекція могла считаться въ то время одною изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, хотя послѣ пожара и сдѣлалась бѣднѣе прежняго въ отношеніи земноводныхъ и рыбъ.

Собрания млекопитающихъ, птицъ и кораловъ въ то время были разставлены въ большой залъ втораго этажа упомянутого зданія. Въ числѣ млекопитающихъ и птицъ, находилось много рѣдкихъ чужестранныхъ экземпляровъ, и, что еще важнѣе, — немало новыхъ русскихъ видовъ, которыхъ не было въ другихъ европейскихъ собраніяхъ, и изъ которыхъ многіе описаны Палласомъ (въ его сочиненіи *Specilegia*). Въ третьей залъ нижняго этажа того же зданія, кромѣ собранія человѣческихъ уродовъ и анатомическихъ препаратовъ Руйша, помѣщавшихся въ 18 шкафахъ, находилось 6 шкафовъ съ амфибіями, 2 съ рыбами и 5 съ членистыми животными и червями (въ смыслѣ Линнея), хранившимися въ спирту. Потолокъ залы былъ украшенъ рогами различныхъ животныхъ и набитыми или растянутыми шкурами амфибій и рыбъ. Колонны залъ были обвѣшаны засушенными амфибіями, рыбами, раками, морскими звѣздами и морскими ежами, а также стеклянными ящиками съ насѣкомыми, сгруппированными разнообразными и затѣйливыми фигурами. Такое расположеніе предметовъ напоминало еще затѣи прежнихъ кабинетовъ рѣдкостей.

Петръ Симонъ Палласъ, избранный въ академики 22 декабря 1766 года, завѣдывалъ зоологическимъ собраніемъ съ 1767 года до самаго отъѣзда своего въ Крымъ въ 1796 году. Впрочемъ въ академическихъ бумагахъ не сохранилось прямыхъ указаній на то, что Палласъ, какъ свидѣтельствуется его біографъ Іёхеръ, былъ инспекторомъ зоологическаго музея. Два другія обстоятельства подтверждаютъ предположеніе, что Палласъ занималъ эту должность по крайней мѣрѣ каждый разъ, когда находился въ Петербургѣ. Бакмейстеръ (стр. 129 — 130) говоритъ, что академикъ Палласъ занимался составленіемъ новаго каталога академическихъ собраній. Но еще яснѣе указываетъ на его директорство то, что въ 1794 году онъ сообщилъ Академіи о доставкѣ въ музей значительнаго собранія естествоисторическихъ предметовъ, собранныхъ въ экспедиціи Биллингса.

Спустя 2 года по отъѣздѣ Палласа, надзоръ за зоологическими собраніями перешелъ къ академикамъ Озерецковскому и Севастьянову. Они завѣдывали коллекціями до 1823

года, т. е. въ теченіи 27 лѣтъ. Во время ихъ директорства, въ музей поступили слѣдующіе предметы: раковины Лаксмана; яйца изъ коллекціи Вакселя; четвероногія, птицы и раковины Пайкуля; рыбы, полученные изъ Лиссабона отъ Лангсдорфа; насѣкомыя Гэбеля; птицы Мейера изъ Оффенбаха, животныя Цетти, птицы Шевалье, нѣсколько предметовъ отъ Адамса, собранія насѣкомыхъ Рѣдовскаго и Цедергѣльма, и наконецъ собраніе рыбъ, змѣй, насѣкомыхъ и т. д. привезенныхъ Тилезіусомъ изъ кругосвѣтнаго плаванія.

Чучела млекопитающихъ и птицъ, а также насѣкомыя, могутъ сохраняться въ удовлетворительномъ состояніи около 30, 40 и рѣдко 50 лѣтъ; но нѣкоторые виды портятся гораздо скорѣе, даже и въ томъ случаѣ, когда они очень тщательно предохранены отъ дѣйствія свѣта, влажности и насѣкомыхъ. Слѣдовательно, въ академическомъ кабинетѣ, въ теченіе болѣе полустолѣтія, протекшаго съ 1777 до 1831 года, когда, по словамъ Бакмейстера, богатый академическій музей былъ въ отличномъ состояніи, чучела птицъ и млекопитающихъ должны были сдѣлаться негодными, тѣмъ болѣе, что тогда не было извѣстно столькохъ, какъ нынѣ, средствъ для сохраненія зоологическихъ предметовъ, и что самое помѣщеніе коллекцій было неудобно. Вотъ почему въ академическихъ протоколахъ находимъ нѣсколько докладовъ Озерецковскаго, въ которыхъ говорится о зоологическихъ предметахъ, пришедшихъ въ совершенную негодность. Такъ, 4 апрѣля 1802 г., онъ представилъ рапортъ о порчѣ предметовъ вслѣдствіе сырости и насѣкомыхъ, отъ которыхъ пострадало нѣсколько русскихъ, особенно важныхъ предметовъ. При этомъ Озерецковскій указываетъ на необходимость замѣнить ихъ новыми. Слѣдовательно, натуралистамъ нечего удивляться (какъ это иногда случилось) тому, что въ академическихъ собраніяхъ уже нѣтъ оригиналовъ млекопитающихъ и птицъ, описанныхъ Палласомъ.

Съ конца прошедшаго столѣтія начались непрерывныя войны, печальныя послѣдствія которыхъ отразились даже на времени, слѣдовавшимъ за 1815 годомъ. Эти войны, а также условія, въ которыхъ находилась тогда Академія, не позволяли и думать ни объ ученыхъ путешествіяхъ, подобныхъ совер-

шеннымъ въ 60 и 70 годахъ минувшаго столѣтія, ни о покупкѣ животныхъ, которою легко было бы предупредить упадокъ музея. Впрочемъ, въ эту пору музей обогатился значительнымъ числомъ предметовъ, присланныхъ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бразиліи, академикомъ Лангсдорфомъ, съ 1808 по 1831 годъ. Эти предметы составляли часть коллекціи, собранной имъ во время путешествія его по Америкѣ на счетъ русскаго правительства. Къ сожалѣнію, доставленные Лангсдорфомъ предметы, за неимѣніемъ искуснаго препаратора, были постановлены очень дурно.

Вступившій въ 1821 году въ Академію знаменитый палеонтологъ Пандеръ частію самъ занялся опредѣленіемъ и болѣе удобнымъ размѣщеніемъ собраній, а частью побудилъ къ этому своего помощника Менетріэ¹⁾. Имъ была отведена новая зала (восточная), во второмъ этажѣ прежней кунсткамеры, для помѣщенія животныхъ въ спирту и раковинъ. Между тѣмъ академическія собранія увеличились покупкою коллекцій насекомыхъ отъ Гуммеля и коллекцій насекомыхъ и птицъ изъ Гамбурга, а также подарками, сдѣланными Зивальдомъ и Кюберомъ. Съ передачею въ Академію зоологическихъ предметовъ адмиралтейскаго собранія, въ музей поступили нѣкоторыя замѣчательныя вещи. Дѣятельность Пандера и Менетріэ была прервана выходомъ перваго изъ Академіи (1827 г.) и отправленіемъ втораго, въ качествѣ зоолога, въ экспедицію для изслѣдованія Кавказа, совершенную въ 1829, 1830 годахъ. Въ 1830 году, управленіе музеемъ принялъ на себя К. М. Бэръ, избранный въ томъ году въ академики по части зоологіи. Онъ неоднократно обращалъ вниманіе Академіи на неудовлетворительное состояніе зоологическихъ коллекцій и указывалъ на средства, которыми можно было бы достигнуть того, чтобы эти коллекціи сдѣлались достойными высшаго ученаго учрежденія

¹⁾ Менетріэ, воспитанникъ парижскаго Jardin des plantes, сопутствовалъ Лангсдорфу въ нѣкоторыхъ изъ его путешествій по Бразиліи. По рекомендаціи этого академика, Менетріэ, въ 1821 году, опредѣленъ при академическомъ музеѣ, и до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1861 году, былъ въ должности консерватора энтомологическаго отдѣленія (Труды русскаго энтомологическаго общества, часть II, 1863 г. Стр. 1).

въ Россіи. По его предложенію выписанъ изъ Германіи отличный препаратъ Шрадеръ, состоящій нынѣ при бременскомъ музеѣ. Изъ пріобрѣтеній, относящихся къ 1830 году, можно указать на покупку собранія Кастальскаго, которое состояло большею частію изъ раковинъ, а также на пріобрѣтеніе экземпляра *Antilope picta*, молодаго моржа и собранія насѣкомыхъ Турчанинова изъ Иркутска.

Однако въ томъ же самомъ году, г. Бэръ покинулъ Академію, чтобъ еще на нѣсколько лѣтъ занять свое прежнее мѣсто въ Кенигсбергѣ. По его отъѣздѣ, Академія, по рекомендаціи Гумбольда, Рудольфи и Бэра, избрала въ свои члены автора этой статьи и вручила ему, по прибытіи его изъ Берлина въ августѣ 1831 года, надзоръ за зоологическими предметами, которые тогда продолжали еще находиться въ такъ называемой кунсткамерѣ и помѣщались въ пяти залахъ, а именно въ двухъ залахъ и круглой комнатѣ средняго этажа, и въ одной западной залѣ и въ круглой комнатѣ нижняго этажа. Въ залѣ средняго этажа, обращенной къ западу, помѣщались чучела млекопитающихъ и птицъ, скелетъ мамонта, чучело азіятскаго слона и его скелетъ. Во второй восточной залѣ были размѣщены пресмыкающіяся, рыбы, суставчатые и мягкотѣлые животныя въ спирту, а также собраніе раковинъ, расположенное посреди комнаты. Въ круглой комнатѣ, между двумя упомянутыми залами, можно было видѣть водныхъ птицъ и нѣкоторыхъ изъ большихъ млекопитающихъ, и тутъ же этнографическіе предметы и разныя произведенія человѣческаго искусства. Въ круглой залѣ нижняго этажа, въ стѣнныхъ шкафахъ, находились полипники и морскія губки; средину же комнаты занимали опять этнографическіе предметы и планетарій. Сводчатая съ колоннами зала нижняго этажа, выходящая къ западу, заключала въ себѣ преимущественно анатомическіе препараты человѣческаго тѣла и коллекцію уродовъ; она была украшена, на подобіе старинныхъ кабинетовъ рѣдкостей, набитыми или высушенными животными и растянутыми ихъ шкурами. Два шкафа этой залы (стоявшіе между колоннами, противъ оконъ на набережную) были заняты остатками мамонта, рогами, черепами, засушенной головой и двумя ногами вымершаго носорога съ костяною но-

совою перегородкою, а также черепами трех ископаемых пород быка. На другом шкафѣ я нашелъ единственную въ своемъ родѣ рѣдкость, на которую до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія, а именно роговую нѣбную пластинку Штеллеровой морской коровы, истребленной человекомъ.

Такое распредѣленіе чучелъ млекопитающихъ и птицъ въ крайне запущенномъ зоологическомъ собраніи не соотвѣтствовало ни современнымъ успѣхамъ науки, ни состоянію другихъ музеевъ Европы, ни достоинству Академіи. Оно было неоднократно замѣчено знатоками дѣла, Гумбольдомъ, Эренбергомъ (1829 г.) и Бэромъ; послѣдній, какъ уже сказано выше, не разъ указывалъ на неудовлетворительное состояніе зоологическаго кабинета. Вслѣдствіе этого Академія рѣшилась перевести свои коллекціи въ новое, болѣе удобное помѣщеніе. Для нихъ была назначена часть верхняго этажа зданія, обращеннаго къ Биржевой площади и выстроеннаго при графѣ Канкринѣ на счетъ Министерства Финансовъ. Спустя нѣсколько недѣль по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, по распоряженію тогдашняго президента Академіи графа Уварова, это помѣщеніе было передано мнѣ для предполагаемаго новаго зоологическаго музея. Оно заключало въ себѣ залы теперешняго музея, обозначенныя нумерами 1 — 6, и три заднія комнаты для лабораторіи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, къ музею присоединено еще нѣсколько комнатъ, занятыхъ прежде того квартирами академиковъ. То были залы №№ 7 — 13, съ шестью задними, примыкающими къ нимъ низкими комнатами; изъ этихъ комнатъ двѣ назначены подъ зоологическую лабораторію, въ замѣнъ прежняго ея помѣщенія, отданнаго подъ ботаническій музей, который тамъ находится и понынѣ. Четыре другія комнаты назначены для храненія зоологической бібліотеки. Это помѣщеніе и до сихъ поръ, безъ всякихъ измѣненій, принадлежитъ зоологическому музею.

По внимательномъ осмотрѣ предметовъ, которые предполагалось перевести въ новое помѣщеніе, оказалось, что большая часть чучелъ млекопитающихъ и птицъ пострадала отъ дѣйствія свѣта, отъ насѣкомыхъ и сырости; притомъ же многія изъ этихъ чучелъ были такъ плохо приготовлены, что не могли занять мѣсто рядомъ съ превосходными препаратами Шраде-

ра, въ музеѣ, который предполагалось устроить сообразно современнымъ успѣхамъ науки. Поэтому въ новую коллекцію млекопитающихъ и птицъ вошли, и то лишь послѣ совершенной передѣлки, весьма немногіе (около 50) изъ прежнихъ экземпляровъ, находившіеся въ нѣсколько лучшемъ состояніи. Нѣкоторые замѣчательные предметы, которые передѣлать было невозможно, сохранены въ особомъ мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы они могли служить для сравненій. Совершенно же негодные экземпляры болѣе обыкновенныхъ видовъ, по вынутіи изъ нихъ череповъ, или челюстей съ зубами, были выброшены. Между предметами, описанными Палласомъ, Гильденштетомъ, Лепехинымъ и другими академиками, оказалось весьма мало такихъ, которые были бы хоть сколько нибудь годны. Дублиеты нѣкоторыхъ обыкновеннѣйшихъ видовъ птицъ переданы въ здѣшній университетъ и въ бывшій Главный Педагогическій Институтъ, въ которыхъ, при незначительности тамошнихъ зоологическихъ коллекцій, они могли еще быть полезны при преподаваніи. Изъ прежняго собранія во вновь образующееся поступили далѣе слѣдующіе предметы: большое, но богатое болѣе недѣлимыми, чѣмъ видами, собраніе полипниковъ; коллекція раковинъ, также неслишкомъ богатая видами; нѣсколько засушенныхъ амфибій, рыбъ, раковъ и иглокожихъ, и наконецъ собраніе (состоявшее почти исключительно изъ выплывавшихъ экземпляровъ) нѣсколькихъ видовъ амфибій, рыбъ и безпозвоночныхъ животныхъ въ спирту. Многіе изъ этихъ предметовъ присоединены были къ новому собранію единственно для того, чтобы на первый случай занять чѣмъ нибудь новое помѣщеніе, а потомъ предполагалось замѣнить ихъ другими, лучшими экземплярами. Замѣна эта была тѣмъ болѣе необходима, что при большей части экземпляровъ не было указаній ни на отечество животныхъ, ни на лицо, которымъ они привезены. Изъ прочихъ предметовъ, поступившихъ въ новое собраніе, заслуживаютъ особенное вниманіе остатки вымершихъ животныхъ; среди нихъ, послѣ обстоятельнаго изученія, удалось найти еще всѣ матеріалы, служившіе для изслѣдованій Палласа и другихъ. При перемѣщеніи музея особенное затрудненіе представилъ исполинскій, отлично препарированный азіатскій слонъ. Какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ зданіяхъ, для

него пришлось проламывать стѣны и устраивать особые подмостки.

При множествѣ работъ, которыя требовали времени и отъ которыхъ зависѣла быстрота устройства новаго музея, было недостаточно одного препаратора, на котораго приходились также занятія по управленію музеемъ. Поэтому въ помощники Шрадеру было назначено 6 молодыхъ людей, съ тѣмъ, чтобы они могли изучить искусство правильнаго препарирования и сбереженія зоологическихъ предметовъ, и чрезъ то могли бы быть со-временемъ полезны для академическаго музея, или для другихъ подобныхъ музеевъ въ Россіи — цѣль, которая и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Двое изъ учениковъ Шрадера еще и теперь занимаютъ должности при музеѣ: одинъ изъ нихъ, И. Г. Вознесенскій, заступилъ мѣсто Шрадера и находится нынѣ при зоологическомъ музеѣ въ качествѣ хранителя; другой, П. И. Ивановъ, состоитъ препараторомъ при зоологической лабораторіи. Изъ остальныхъ образованныхъ Шрадеромъ препараторовъ, одинъ поступилъ въ Московскій университетъ, другой — въ Дерптскій, а третій состоялъ при музеѣ Медико-хирургической Академіи.

Предметы, перенесенные изъ прежняго помѣщенія въ новое, сами по себѣ, по своей малочисленности и дурному состоянію, не могли бы образовать коллекціи, которая соотвѣтствовала бы современнымъ требованіямъ науки, если бы количество ихъ не увеличилось запасомъ, хранившимся до того времени въ кладовыхъ. Эти предметы преимущественно были доставлены путешественниками; такъ значительнымъ числомъ ихъ музей обязанъ Лангсдорфу, Мертенсу, Китлицу и Изенбеку, изъ которыхъ три послѣдніе участвовали въ кругосвѣтномъ плаваніи О. П. Литке. Затѣмъ, въ составъ коллекцій изъ того же запаса поступили: зоологическіе предметы, присланные съ о-ва Гаити, и собранія Менетріэ съ Кавказа; сюда присоединилось еще собраніе 3000 видовъ насѣкомыхъ, составленное Менетріэ изъ прежняго собранія Гуммеля и изъ годныхъ экземпляровъ академическаго музея, изъ экземпляровъ, привезенныхъ имъ самимъ изъ Бразиліи, и наконецъ изъ предметовъ, прибрѣтенныхъ обмѣномъ. Покупка въ Парижѣ, по моему предложе-

нію, нѣсколькихъ согъ птицъ, большею частію пноземныхъ, а также вымѣнъ многихъ экземпляровъ западно-европейскихъ животныхъ у баварскаго естествоиспытателя Михаелеса—значительно обогатили нашу коллекцію. Для пополненія представителей русской фауны, я вступилъ въ сношеніе съ докторомъ Геблеромъ въ Барнаулѣ, съ пасторомъ Гогенакеромъ, въ Елененсдорфѣ близъ Тифлиса, и съ прежнимъ директоромъ Россійско-Американской Компаніи, нынѣ адмираломъ Ф. П. Врангелемъ. Вслѣдствіе этого, музей не только значительно пополнился, но и пріобрѣлъ возможность получать требуемые предметы посредствомъ обмѣна. Кромѣ обмѣна, пополненію музея способствовали также ежегодныя, хотя и незначительныя покупки; въ теченіе первыхъ 5-ти лѣтъ существованія новаго музея, эти покупки производились не изъ штатной суммы, а на счетъ экономическихъ средствъ Академіи. Только въ 1836 году, по утвержденіи нынѣ дѣйствующаго устава Академіи, опредѣлена ежегодная штатная сумма на зоологическій и зоотомическій музеи и на принадлежащую къ нимъ лабораторію, причемъ учреждены двѣ консерваторскія должности, изъ которыхъ одну занялъ Менетріэ, а другую Шрадеръ. Въ завѣдываніе Менетріэ поступило энтомологическое отдѣленіе музея, а Шрадеру была ввѣрена лабораторія; на моемъ же попеченіи остались всѣ остальные части собранія. Сумма, опредѣленная въ штатѣ 1836 года на зоологическій музей, для покупки вещей для него и для работъ академиковъ, составляетъ 4000 руб. асс. (1142 руб. 85 коп. серебр.); для лабораторіи же и на жалованье преараторамъ назначено 3000 руб. асс. (857 руб. 10 коп. серебр.); Опредѣленіе столь малой суммы объясняется тѣмъ, что по § 100 устава, зоологическій музей отнесенъ къ числу ученыхъ принадлежностей Академіи. При ограниченности средствъ, которыми располагаетъ музей, было бы несправедливо требовать отъ него въ настоящее время того состоянія, въ которомъ находятся Британскій музей, музей въ Jardin des plantes, а также Лейденскій и Вѣнскій музеи, которые, какъ самостоятельныя государственныя учрежденія, располагаютъ гораздо большими средствами.

Правда, для расходовъ по музею, кромѣ штатной суммы,

служили и экономическія суммы Академіи, такъ что вообще въ послѣднее время эти расходы составляли:

1) На содержаніе музея и на работы академиковъ (включая и новыя пріобрѣтенія) . . .	1142 р. 85 к.
2) На лабораторію	857 » 10 »
3) На жалованье 2-мъ хранителямъ	1401 » — »
4) На жалованье 3-мъ помощникамъ хранителей, или препараторамъ,	600 » 10 »
5) На жалованье ученику	120 » — »
6) На содержаніе 4-хъ служителей	324 » — »
7) На разные расходы по музею	600 » — »
Итого . . .	5045 р. 5 к.

Къ 1838 году музей достигъ уже такого развитія, что сдѣлалось возможнымъ открыть его для публики; при всемъ томъ, поставить его на одинъ уровень съ обширнѣйшими европейскими музеями, въ короткій 33-хъ лѣтній срокъ, при помощи означенныхъ денежныхъ средствъ было невозможно. Значительныя пожертвованія, а равно и ученныя экспедиціи, предпринятыя въ различныя части Россіи, способствовали возрастанію коллекцій; но и этихъ средствъ было бы недостаточно, если бы директоръ не поддерживалъ постоянного обмѣна предметовъ съ иностранными учрежденіями такого рода. Этимъ обмѣномъ не только удвоивались, такъ сказать, денежные средства музея, но даже пріобрѣтались такіе предметы, которыхъ достать за наличныя деньги было невозможно.

Музей получилъ въ даръ нѣсколько драгоценныхъ предметовъ отъ щедротъ въ Бозѣ почившаго Императора Николая I и благополучно нынѣ царствующаго Государя Императора, а также отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича. Его Императорское Высочество покойный Герцогъ Лейхтенбергскій подарилъ музею весьма богатую коллекцію съ острова Мадеры, состоящую главнымъ образомъ изъ рыбъ. Д. А. Крону, извѣстному знатоку сравнительной анатоміи, мы обязаны прекраснымъ собраніемъ предметовъ Средиземнаго

моря. Нѣкоторые интересные виды изъ того же моря получены отъ профессора Верани въ Ниццѣ. Г. Демидовъ и профессоръ Ратке пожертвовали музею собраніе животныхъ Таврическаго полуострова, преимущественно черноморскихъ, и это собраніе потомъ увеличилось многими предметами доставленными гг. Стевеномъ и профессоромъ Нордманомъ. Г. Мочульскому мы обязаны нѣкоторыми предметами изъ южной Россіи. Г. Штуббендорфъ обогатилъ нашъ музей предметами изъ Якутска. Г. адмиралу Ф. П. Врангелю мы одолжены многими экземплярами животныхъ изъ нашихъ американскихъ колоній. Оттуда же доставлено намъ множество драгоценныхъ предметовъ русско-американскою компаніею, адмиралами Купріяновымъ и Этолинымъ и впоследствии гг. А. Миддендорфомъ и докторомъ Безе. Покойный флотскій медикъ докторъ Фишеръ принесъ музею въ даръ множество предметовъ, собранныхъ имъ въ кругосвѣтномъ путешествіи. Мы получили также значительное число предметовъ отъ двухъ другихъ флотскихъ врачей Петерса и Тремера. Извѣстный французскій медикъ Клотъ-Бей, александрійскій купецъ Аверовъ и г. Бокти обогатили музей произведеніями Египта, Сѣверной Африки и Чермнаго моря. Гг. генеральный консулъ Медемъ и консулъ Фокъ въ Александріи сдѣлали въ музей нѣсколько замѣчательныхъ пожертвованій. Изъ Алжира мы получили чрезъ г. доктора А. Штрауха значительное число предметовъ, которое дополнили потомъ докторъ Гюйонъ въ Парижѣ и г. Сольскій. Извѣстный литераторъ В. И. Даль и В. А. Перовскій многократно доставляли предметы въ музей изъ Оренбурга и изъ Уральскихъ и Киргизскихъ степей. Весьма интересные предметы доставлены Карелинымъ съ тѣхъ же мѣстъ, а также съ восточнаго берега Каспійскаго моря. Изъ Киргизскихъ степей, Чуя и Бухаріи доставлены превосходные предметы гг. А. Шренкомъ, Леманомъ и казанскимъ профессоромъ Эверсманомъ. Немалое количество звѣриныхъ шкуръ получено изъ Приволжскихъ степей, особенно изъ окрестностей Сарепты, отъ г. Глича. Г. Морицъ, директоръ магнитной обсерваторіи въ Тифлисѣ, г. докторъ Бузе въ Ригѣ и г. Воскобойниковъ доставили очень интересные предметы изъ Пер-

сіи и Кавказа, откуда получены также предметы отъ академика Броссе, генерала Бартоломеи и доктора Флейшера; Гр. Кейзерлингъ снабдилъ насъ многими родами персидскихъ амфибій. Генералу Муравьеву и г. Зальбергу мы обязаны нѣсколькими восточно-сибирскими предметами, а гг. Герстфельду, доктору Вульфюсу и магистру Ф. Шмидту — значительнымъ количествомъ предметовъ съ Амура. Г. флигель-адъютантъ Бирилевъ, бывшій медикъ въ Хакодадѣ г. Альбрехтъ, гг. Гошкевичъ и Максимовичъ снабдили музей множествомъ предметовъ изъ Японіи. Изъ сѣвернаго Китая (Пекина) музей получилъ предметы отъ профессора Бунге и отъ Азіятскаго Департамента. Значительное число птицъ Южнаго Китая (изъ Амоя и съ Формозы) прислалъ г. Свингое. Гг. В. Бетлингу, Быстрову (въ Мезени) и Попову мы обязаны предметами съ сѣвера-Европейской Россіи, а Гр. А. Кейзерлингу многими интересными экземплярами, собранными имъ въ путешествіи по Россіи. Покойнымъ военнымъ медикомъ докторомъ Гефнеромъ музей обогащенъ значительнымъ числомъ птицъ изъ окрестностей Петербурга. Увеличенію собранія здѣшнихъ птицъ содѣйствовалъ также генераль Панютинъ. Бывшій директоръ Императорскаго Ботаническаго Сада, докторъ Фишеръ, пожертвовалъ въ музей нѣсколько животныхъ, г. Бэръ — собраніе рыбъ озера Пейпуса, а г. Балабинъ — порядочное собраніе птицъ и большой скелетъ кита. Г. докторъ Фельдеръ въ Вѣнѣ доставилъ намъ довольно много интересныхъ птицъ, а г. магистеръ Блессигъ множество новголландскихъ насѣкомыхъ. Г. доктору Рауху въ С.-Петербургѣ музей обязанъ многими интересными животными; докторъ Маркусъ принесъ въ даръ великолѣпную пару кондоровъ. Гг. Фиксенъ и Сиверсъ увеличили коллекцію Петербургскихъ бабочекъ (изъ нихъ послѣдній кромѣ того оказывалъ и другія услуги энтомологическому собранію). Московское общество испытателей природы прислало собраніе насѣкомыхъ, полученныхъ отъ г. Карелина. Г. Бутаковъ доставилъ въ музей много интересныхъ предметовъ, собранныхъ имъ во время его путешествія вокругъ свѣта. Изъ Императорскаго Ботаническаго Сада, чрезъ г. Кюстера, получены шкуры новыхъ для музея видовъ капскихъ животныхъ.

Интересными прѣсноводными раковинами Сѣверной Америки музей обязанъ г-жѣ Зей и г. Ли (Lea). Къ лицамъ, дѣлавшимъ въ него болѣе или менѣе значительные пожертвованія, должно причислить: академика Гамеля и его племянника, профессора Гукера въ Глазговѣ, профессора Черная въ Харьковѣ, Тарачкова, полковника Кипріанова, Чихачева, адмирала Рикорда, Ковалевскаго, Межакова въ Вологдѣ, Зацѣпина, генерала Мандерстерна, доктора Гольтермана, Дитмара, тайнаго совѣтника Норова, Воллея и доктора Фольборта.

Но важнѣйшее приращеніе, особенно коллекціи русской фауны, доставили музею ученые путешествія въ различные края нашего обширнаго отечества. Эти экспедиціи вмѣстѣ съ тѣмъ доставили музею и богатые матеріалы для обмѣна съ другими музеями. Такія путешествія важны и въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, мы имѣемъ экземпляры однихъ и тѣхъ же видовъ изъ странъ съ самыми разнообразными климатическими и почвенными условіями, и можемъ изучать, какъ измѣняются разновидности одного и того же вида, смотря по этимъ условіямъ, и опредѣлять границы устойчивости каждаго вида. Для изслѣдованій подобнаго рода, столь важныхъ въ зоологіи, никакая другая страна не можетъ доставить столь обильнаго матеріала, какъ Россія, потому что нѣтъ страны, которая имѣла бы столь громадное протяженіе и отличалась бы такимъ разнообразіемъ климатовъ. Для изученія географическаго распространенія животныхъ путешествія имѣютъ также очень важное значеніе.

Къ экспедиціямъ, послужившимъ къ обогащенію нашего музея, надо отнести путешествія, совершенныя гг. академиками: Бэромъ — въ Лапландію, къ Бѣлому морю и къ Новой землѣ, къ низовьямъ Волги и Каспійскому морю, Миддендорфомъ — въ Таймырскую страну, въ Восточную Сибирь, къ Охотскому морю и въ Амурскую область, Рупрехтомъ — на полуостровъ Канинъ и на Кавказъ, А. Шренкомъ — по Амурскому краю и острову Сахалину, Брандтомъ и консерваторомъ Радде — въ Бессарабію, Херсонскую губернію и по Таврическому полуострову; г. Ратке — въ Крымъ, профессоромъ Нордманомъ — въ Закавказье, А. Шренкомъ и Карелинымъ — въ Киргизскія степи и на Чуй, Леманомъ — на Уралъ,

въ Киргизскія степи и въ Бухарію, Цѣнковскимъ — въ Сѣверную Африку, г. Коленати — въ Кавказскій край, Сѣверцовымъ — въ Киргизскія степи и Уральскій край; гг. Гофманомъ и Брантомъ — къ Сѣверному Уралу, гг. Радде, Мааккомъ и Максимовичемъ — въ Восточную Сибирь и Амурскую область, Максимовичемъ — въ Японію, Данилевскимъ и препараторомъ Никитинымъ — въ Архангельскую губернію, къ берегамъ Ледовитаго моря и въ Новергію, консерваторомъ Гебелемъ — къ Каспійскому морю; наконецъ сюда же должно отнести десятилѣтнее путешествіе нынѣшняго консерватора зоологическаго музея г. Вознесенскаго вокругъ свѣта, потомъ къ берегамъ Охотскаго моря, въ Камчатку, въ Русско-Американскія владѣнія и въ Калифорнію. Кромѣ того г. Бэръ доставилъ въ музей много интересныхъ предметовъ, собранныхъ имъ во время поѣздки его къ Адриатическому морю. Троекратная поѣздка Брандта въ Германію, Францію и Голландію, а также путешествія Менетріэ во Францію, доставлявшія случай въ выгодной покупкѣ предметовъ и къ заключенію условій относительно обмѣна предметами съ большими музеями, — все это служило средствомъ къ существенному обогащенію коллекцій.

Наконецъ, въ числѣ приращеній музея, немаловажное значеніе имѣютъ экземпляры животныхъ, купленные въ разное время отъ содержателей звѣринцевъ, посѣщавшихъ Петербургъ (Зама, Берга, Ванъ-Акена, Бернабо и Крейцберга). Эти звѣринцы доставляли не только превосходные чучела и скелеты, но и матеріалъ для анатомическихъ изслѣдованій гг. Бэра, Брандта и Грубера.

Подробное исчисленіе пріобрѣтеній, сдѣланныхъ съ 1831 года по наше время, повело бы насъ слишкомъ далеко. Не вдаваясь въ него, замѣтимъ, что покупки и обмѣнъ предметовъ производились частью въ самой Россіи, частью въ Германіи, Даніи, Швеціи, Голландіи, Англіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи, Сѣверной Америкѣ и Новой Голландіи, т. е. въ бѣльшей части странъ, гдѣ существуютъ хоть сколько нибудь замѣчательныя зоологическія коллекціи, или гдѣ ведется торговля зо-

ологическими предметами. Впрочемъ, прибрѣтеній болѣе всего сдѣлано въ Германіи, Голландіи и Франціи.

Въ помѣщеніи зоологическаго музея, въ 1831 году, перенесенные изъ стараго музея еще годные предметы могли наполнить собою лишь двѣ комнаты. Весною же 1863 года, когда, по переводеніи зоотомическаго собранія въ другое мѣсто, къ помѣщенію музея прибавлено двѣ залы, зоологическое собраніе Академіи заняло собою 13 залъ, съ 38 окнами. Энтомологическій кабинетъ занимаетъ четырнадцатую комнату. Ширина залъ — 25 футовъ, вышина ихъ — $13\frac{1}{2}$ ф. Это помѣщеніе, съ высокими окнами и паркетными полами, обставлено, какъ по стѣнамъ, такъ и посрединѣ, шкафами изъ краснаго дерева, большія стекла которыхъ позволяютъ удобно разсматривать выставленные въ нихъ предметы. Большая часть насѣкомыхъ и собраніе раковинъ находятся въ многочисленныхъ ящикахъ шкафовъ, также изъ краснаго дерева. Все это придаетъ музею изящный видъ, и въ этомъ отношеніи не превосходитъ его ни одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ музеевъ Европы.

Чучела млекопитающихъ, въ числѣ 1060, наполняютъ три залы; чучела птицъ, въ числѣ 5675, четыре залы. Молюски и кораллы, вмѣстѣ съ другими низшими животными (кольчатыми, акалефами и др.), какъ и прежде, находятся въ большой залѣ, гдѣ они размѣщены очень тѣсно. Такая же зала занята амфибіями (810), а двѣ меньшія — рыбами (1522). Въ высокой, круглой, примыкающей къ минералогическому кабинету, залѣ помѣщаются чучело и скелетъ огромнаго азійскаго слона и скелетъ мамонта, а также остатки ископаемыхъ млекопитающихъ. Другая, точно такая же круглая, сводчатая зала, смежная съ ботаническимъ кабинетомъ, въ настоящее время назначена для ракообразныхъ и иглокожихъ животныхъ; посреди нея находится громадный деревянный глобусъ. Энтомологическое собраніе, состоящее изъ представителей насѣкомыхъ, многоножекъ и пауковъ, расположено въ небольшой трехъ-оконной комнатѣ, обращенной во дворъ. Къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ тѣсномъ помѣщеніи, нѣтъ возможности достигнуть строгой систематичности въ распредѣленіи коллекцій музея.

При устройствѣ и пополненіи этихъ коллекцій, по мѣрѣ возможности, вниманіе было обращено на всѣ классы животныхъ. Млекопитающія, птицы, амфибіи, рыбы, насѣкомыя, раки и иглокожія наиболѣе полны; но тысяченожекъ, моллюсковъ и полиповъ, сравнительно съ другими животными, музей имѣетъ ограниченное собраніе; относительно остальныхъ классовъ, онъ еще бѣднѣе. Животный міръ Европы, сѣверной и отчасти центральной Азіи, сѣверной части Тихаго Океана и Кавказа, а также Бразиліи имѣетъ наибольшее число представителей. Число предметовъ изъ сѣверной Америки, сѣверной Африки и съ Зондскихъ острововъ довольно значительно. Напротивъ того, изъ южной Африки и Новой Голландіи въ музей гораздо меньше представителей. Видовъ животныхъ южно-азіятскаго материка, центральной Америки, западной и восточной Африки и Мадагаскара у насъ мало, а изъ центральной Африки почти нѣтъ ни одного. Вообще, въ отношеніи числа видовъ, наше, еще юное собраніе значительно уступаетъ Британскому музею, располагающему въ 6 разъ большими средствами, и музею въ Jardin des plantes, существующему вдвое долѣе, чѣмъ нашъ музей. Съ другими, также гораздо старѣйшими собраніями, а именно съ Лейденскимъ, Вѣнскимъ и Берлинскимъ, наше собраніе также не въ состояніи соперничать, хотя и можетъ представить довольно много единственнаго въ своемъ родѣ и рѣдкаго. Особенно въ отношеніи изобилія русскихъ видовъ, частью рѣдкихъ въ другихъ музеяхъ, а частью и вовсе недостающихъ въ нихъ, ни одно собраніе не можетъ равняться съ нашимъ. Вообще, что касается произведеній сѣвернаго полушарія, особенно Европейско-азіатской его части, наше собраніе должно считаться самымъ полнымъ; въ немъ обращено на животныхъ нашего полушарія наибольшее вниманіе, потому что сравнительное изученіе ихъ должно вести къ важнымъ общимъ результатамъ.

Чучела животныхъ нашего музея, по искусству препаровки и по сохранности, едва ли не превосходятъ предметы этого рода въ извѣстнѣйшихъ коллекціяхъ. По моему личному наблюденію, нѣтъ ни одного большаго заграничнаго собранія, въ ко-

торомъ, относительно, находилось бы столько же превосходно приготовленныхъ экземпляровъ, какъ въ нашемъ. Очевидно, хорошему ихъ сохраненію способствуетъ холодный климатъ и условія свѣта въ Петербургѣ.

Разставленные въ настоящее время въ музеѣ экземпляры самыхъ различныхъ животныхъ классовъ отнюдь не представляютъ всего богатства зоологическаго собранія Академіи; многихъ классовъ разставлена только $\frac{1}{3}$ предметовъ, другихъ $\frac{2}{3}$, третьихъ $\frac{1}{2}$. Большое количество годныхъ шкуръ и предметовъ въ спирту хранится въ запасной кладовой, въ многочисленныхъ ящикахъ, или на пространныхъ полкахъ. Сотни и даже тысячи еще невыставленныхъ въ музеѣ видовъ до сихъ поръ скрыты отъ глазъ публики. Недостатокъ въ научныхъ и техническихъ рабочихъ силахъ и умѣренный отпускъ суммъ для приведенія въ порядокъ собранія замедляютъ успѣхъ дѣла. Теперешняго помѣщенія музея далеко не достаточно для размѣщенія всѣхъ запасовъ. Директоръ музея не имѣетъ времени самъ опредѣлять животныхъ всѣхъ отдѣловъ (только для однихъ насѣкомыхъ у него есть ученый помощникъ) и въ то же время выполнять свои обязанности по званію академика, вести корреспонденцію и управлять музеемъ. Въ другихъ музеяхъ, по объему немногимъ превосходящихъ академическій, находится отъ 5 до 6 ученыхъ хранителей, а между тѣмъ эти музеи уже приведены въ систематическій порядокъ, вслѣдствіе чего распредѣленіе поступающихъ въ нихъ вновь предметовъ гораздо легче, чѣмъ у насъ. Таково число хранителей въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, а въ Лондонѣ и Парижѣ ихъ еще болѣе. У насъ же всего только два препаратора, и потому постановка предметовъ можетъ совершаться лишь медленно. Впрочемъ скрытые отъ взоровъ публики предметы сохраняются такъ, что во всякое время доступны для ученыхъ занятій. Будучи лучше предохранены отъ вліянія свѣта, чѣмъ выставленные въ музеѣ, они нерѣдко даже превосходятъ послѣдніе въ научномъ отношеніи. Вообще можно замѣтить, что для того, чтобы музей имѣлъ должный видъ, не слѣдовало бы выставять тѣхъ предметовъ, которые особенно портятся отъ вліянія свѣта. Для преподаванія и для удовле-

нія любопытства публики достаточно извѣстнаго числа замѣчательныхъ видовъ всѣхъ классовъ, представляющихъ разныя степени развитія животнаго царства. Требованіямъ же ученыхъ большею частію удовлетворяють собранія, хранящіяся въ ящикахъ или въ спиртѣ.

Не безынтересно бросить взглядъ на ученія работы, произведенныя въ различное время при помощи зоологическихъ собраній Академіи. Первымъ изъ такихъ трудовъ былъ вышеупомянутый перечень зоологическихъ предметовъ академическаго музея, изданный въ 1742 году, подъ заглавіемъ: *Museum Petropolitanum*. Затѣмъ, съ 1742 по 1822 годъ, т. е. въ теченіи 80 лѣтъ, въ мемуарахъ Академіи появилось 161 сочиненіе, зоологическаго, анатомическаго, физиологическаго и палеонтологическаго содержанія. Изъ этихъ обширныхъ разсужденій или небольшихъ статей, принадлежатъ: Дювернуа 2, Х. Вольфу 33, І. Гмелину 4, Штеллеру 3, Вейтбрехту 4, Кельрейтеру 16, Палласу 22, Гильденштедту 13, Лепехину 11, С. Гмелину 2, Зуеву 10, Озерецковскому 13, Севастьянову 6, Лангсдорфу 1, Шрейберу 1, Загорскому 8 и Тилезіусу 12. Между ними, по числу и по содержанію, особенно замѣчательны сочиненія Палласа, которыя немало способствовали славѣ, которою Академія пользовалась уже тогда въ ученомъ мірѣ. Для составленія этихъ сочиненій, и кромѣ того для нѣкоторыхъ отдѣльно изданныхъ трудовъ (*Spicilegia, Novae species quadrupedum e genere Glirium, Зоографія*), Палласъ часто пользовался коллекціями музея. Послѣднія три классическихъ сочиненія вообще принадлежатъ къ самымъ блестящимъ явленіямъ зоологической литературы и заключаютъ въ себѣ основанія ученія о позвоночныхъ животныхъ въ Россіи. Послѣ 1822 года, сочиненія зоологическаго содержанія на нѣкоторое время перестали появляться въ мемуарахъ Академіи, и лишь чрезъ 8 лѣтъ рядъ такихъ сочиненій снова открылся трудомъ г. Бэра о зубѣ ископаемаго слона, находящемся въ числѣ предметовъ академическаго собранія. Одновременно съ этой статьею появились четыре зоологическія статьи, изъ коихъ двѣ принадлежатъ Мертенсу и двѣ Китлицу; матеріаломъ для составленія послѣд-

нихъ двухъ послужили также предметы нашего музея. И такъ, съ 1830 г., начался новый рядъ зоологическихъ и сравнительно-анатомическихъ сочиненій, по большей части основанныхъ на предметахъ академической коллекціи. Если сосчитать большія и малыя статьи, изданныя въ Бюллетенѣ и въ Мемуарахъ какъ членами Академіи, гг. Бэромъ, Мертенсомъ, Миддендорфомъ, Овсянниковымъ, Загорскимъ, Л. Шренкомъ, Брандтомъ, такъ и состоявшими при музеѣ Менетріэ, Моравицомъ и Радде, то окажется, что въ послѣдніе 34 года, т. е. съ 1830 по 1864 г., этими лицами написано 324 статьи (не считая описаній путешествій). Изъ этихъ статей, 75 принадлежатъ г. Бэру, 3 Мертенсу, 23 Миддендорфу, 5 Овсянникову, 5 Шренку, 182 Брандту, 24 Менетріэ, 3 Моравицу и 4 Радде. Слѣдовательно, въ эти 34 года напечатано вдвое болѣе статей, чѣмъ въ теченіе прежнихъ 80 лѣтъ. Эти 324 сочиненія отличаются бѣльшимъ разнообразіемъ содержанія, чѣмъ 161 сочиненіе прежняго времени (съ 1742 — 1822). Они касаются такихъ отраслей науки, которыя до тѣхъ поръ оставались нетронутыми, какова напр. сравнительная краініологія, микроскопическая анатомія, археологическая, сравнительная и прикладная зоологія, зоологическая географія, изслѣдованія вымершихъ и истребленныхъ животныхъ, исторія зоологическихъ наукъ (къ которой относимъ и исторію академическаго музея). На другія отрасли знанія: на исторію развитія, физиологію, біологію и палеонтологію въ этихъ трудахъ обращено гораздо болѣе вниманія, чѣмъ въ прежнихъ.

Можно было бы подумать, что незначительность числа зоологическихъ статей, напечатанныхъ въ мемуарахъ нашей Академіи до 1830 г. достаточно вознаграждается обширностію отдѣльно изданныхъ описаній путешествій Палласа, Гильденштедта, Лепехина, Фалька, Ф. Гмелина, С. Г. Гмелина и Штеллера. Однако эти труды, въ общей сложности, далеко уступаютъ по объему зоологическимъ отдѣламъ описаній путешествій Бэра, Миддендорфа, Шренка и Радде, приложеніямъ Брандта къ описаніямъ путешествій Литке, Гофмана, Лемана и Чихачева, вмѣстѣ съ систематическимъ каталогомъ Менетріэ. Относи-

тельно внутренняго достоинства всѣхъ сочиненій прежняго періода сравнительно съ трудами послѣднихъ 34 лѣтъ, должно замѣтить, что послѣднія богаче тоже и содержаніемъ; тѣмъ болѣе что изслѣдователи новаго періода работали и надъ тѣми классами животныхъ, которые Палласомъ оставлены безъ вниманія. Такъ Миддендорфъ и Шренкъ занимались изслѣдованіями надъ мягкотѣлыми; Брандтъ — надъ раками, многоножками, акалефами и иглокожими; Менетріэ и Моравицъ — надъ насѣкомыми и т. д. Эти работы привели къ новымъ, важнымъ открытіямъ, способствовавшимъ развитію знанія русской фауны, и вообще существенно обогатили зоологію.

Безъ сомнѣнія, къ достиженію такихъ результатовъ существенно способствовало новое распредѣленіе зоологическаго и сравнительно-анатомическаго собраній и богатство находящейся при нихъ библіотеки. Безъ этихъ пособій, конечно, невозможно было бы произвести столь обширныя работы, соотвѣтствующія новѣйшимъ требованіямъ науки—невозможно было бы произвести ихъ въ Петербургѣ, а тѣмъ менѣе въ другомъ какомъ либо мѣстѣ Россіи. Даже иностранные музеи, далеко не такъ богатые русскими видами, въ этомъ отношеніи не могли бы принести никакой пользы. Помѣщеніе литературныхъ пособій, вдали отъ самыхъ собраній также весьма замедляло бы появленіе въ свѣтъ зоологическихъ сочиненій.

Что касается до описанія новыхъ видовъ животныхъ, то труды прежнихъ академиковъ и путешественниковъ, отправленныхъ отъ Академіи, какъ мы уже замѣтили, способствовали къ расширенію свѣдѣній преимущественно о позвоночныхъ животныхъ. На безпозвоночныхъ было обращено меньше вниманія. Нынѣшніе же академики занимались также и безпозвоночными, и даже преимущественно ими. Изъ отдѣла позвоночныхъ въ наше время, сравнительно съ прежнимъ, могло быть описано лишь немного новыхъ русскихъ видовъ, потому что въ этомъ отношеніи главное уже было сдѣлано Палласомъ, въ распоряженіи котораго уже находились матеріалы изъ различныхъ частей Россіи. Число этихъ видовъ не могло быть значительно также и потому, что фауна Россіи заключа-

еть въ себѣ вообще большую часть уже изслѣдованныхъ животныхъ азіатско-европейскаго материка. Но все-таки труды новаго времени значительно пополнили фауну Россіи новыми видами млекопитающихъ, птицъ и амфибій, недостававшими въ Зоографіи Палласа. Число видовъ безпозвоночныхъ, благодаря новѣйшимъ изысканіямъ академиковъ, увеличилось гораздо болѣе, такъ что, если сравнить прежнія открытія въ этой области съ открытіями новѣйшаго времени, то окажется, что послѣднее представляетъ значительный перевѣсъ надъ прежними годами.

Пространство, къ которому относятся труды новѣйшихъ изслѣдователей, чрезвычайно обширно. Въ кругъ ихъ занятій вошли произведенія самыхъ различныхъ по климату мѣстъ обширной Россіи. Въ указанныхъ статьяхъ изслѣдованъ животный міръ Лапландіи, Новой Земли, Бѣлаго и Ледовитаго морей, Архангельской губерніи, Урала, Таймырской земли, Западной и Восточной Сибири, Камчатки, сѣверной части Тихаго океана, Охотскаго и Японскаго морей, Сахалина, Японіи, Амурской области, необозримыхъ восточно-азіатскихъ степей, степей Киргизскихъ, Уральскихъ и Волжскихъ, Кавказскихъ земель и южной Россіи.

Въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, основанныхъ на коллекціяхъ Академіи, преслѣдуются три главныя цѣли: 1) открыть, при помощи обширныхъ анатомическихъ изслѣдованій, отношенія животныхъ между собою и чрезъ то изучить ихъ біологію и указать на ихъ настоящее мѣсто въ системѣ; 2) сдѣлать точное сравненіе экземпляровъ одного и того же вида, для изученія измѣненій, являющихся вслѣдствіе климатическихъ и другихъ физическихъ условій — изученія, столь необходимаго для опредѣленія границъ измѣняемости вида; (Россія, по разнообразію ея свойствъ, представляетъ въ этомъ отношеніи особенное удобство); наконецъ 3) ближайшее опредѣленіе предѣловъ распространенія отдѣльныхъ животныхъ видовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Впрочемъ труды новѣйшихъ изслѣдователей имѣли предметомъ изученіе фауны не только Россіи, но и другихъ странъ.

Они касаются также различныхъ отдѣльныхъ отраслей зоологій вообще, каковы систематика, морфологія, сравнительная анатомія и зоологическая географія. Сюда относятся изслѣдованія о ротожелудочномъ нервѣ, о направленіяхъ перелета птицъ (*Isoriptesen*) и т. д.

Зоологическія сокровища академическаго собранія служатъ для ученыхъ занятій не только академиковъ и состоящихъ при музеѣ лицъ, но и для прочихъ лицъ, занимающихся наукою. Такъ умершій слишкомъ рано, извѣстный путешественникъ по Бразиліи, г. Натереръ изъ Вѣны, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ занимался въ нашемъ музеѣ орнитологіей. Графъ Ал. Кейзерлингъ, нынѣшній попечитель Дерптскаго университета, и Брауншвейгскій профессоръ Блазіусъ трудились въ этомъ музеѣ, изслѣдуя млекопитающихъ и птицъ Россіи. Гельзингфорскій профессоръ Нордманъ нѣсколько разъ обращался сюда за справками. Профессоръ Грубе, состоя при Дерптскомъ университетѣ, пользовался для своихъ ученыхъ работъ кольчатыми червями музея. Путешествовавшій по Амуру г. Герстфельдъ, пользуясь нашими собраніями, напечаталъ въ изданіяхъ Академіи статьи о скорлупняковыхъ, тысяченожкахъ и другихъ животныхъ Амурскаго края. Г. Симашко, для принятой имъ Русской Фауны, пользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ музеемъ и его библіотекой, причемъ ему содѣйствовали академики Бэръ и Брандтъ. Отличныя работы доктора Штрауха объ Алжирскихъ амфибіяхъ и черепахахъ академическаго музея, а также его сочиненіе о пресмыкающихся, доставленныхъ г. Кейзерлингомъ изъ Персіи, были произведены въ нашемъ музеѣ. И въ настоящее время г. Штраухъ занимается въ музеѣ размѣщеніемъ и опредѣленіемъ пресмыкающихся. О. Бремеръ, служившій нѣкоторое время при музеѣ въ качествѣ хранителя, занимался описаніемъ бабочекъ, доставленныхъ гг. Маакомъ, Шренкомъ и Радде. Магистръ Блессигъ описалъ въ музеѣ часть жуковъ, привезенныхъ изъ Новой Голландіи имъ самимъ, и изъ Сибири — г. Радде. Г. Мочульскій часто пользовался энтомологическими собраніями Академіи. То же самое должно сказать и о гг. Сѣвер-

цовъ, Радощковскомъ, Сольскомъ, Фиксенъ, братьяхъ Кушакевичахъ и Сиверсѣ. Послѣдній оказалъ музею важную услугу своими трудами надъ собраніемъ чешуйчатокрылыхъ.

Предметами зоологическаго музея ученые пользовались не только въ самомъ музеѣ, но и внѣ его, такъ какъ эти предметы не рѣдко бывали пересылаемы имъ для занятій, какъ напр. г. Фишеру — въ Москву, Нордману — въ Гельсингфорсъ, Грубе — въ Дерптъ, Петерсу — въ Берлинъ, извѣстному энтомологу Шенгеру, графу Маннерсгейму и т. д. Сверхъ того музей Академіи, посредствомъ заведеннаго въ обширныхъ размѣрахъ обмѣна съ другими собраніями, доставляетъ имъ возможность пріобрѣтать рѣдкіе русскіе виды и знакомиться съ ними.

Зоологическій музей, на основаніи Устава Академіи и по мѣрѣ средствъ своихъ предназначенный преимущественно для ученыхъ изслѣдованій, исполняя это назначеніе во всѣхъ отношеніяхъ, приноситъ также пользу для учащихся и вообще для публики. Онъ постоянно посѣщается студентами Университета и Медико-Хирургической Академіи, и воспитанниками другихъ многочисленныхъ учебныхъ заведеній столицы. Для публики онъ открытъ по понедѣльникамъ, въ теченіе всего года. Особенно интересующіяся музеемъ постороннія лица, а равно и путешественники, допускаются въ музей и въ другіе дни.

Такимъ образомъ коллекціи музея, при нынѣшнемъ состояніи и значеніи своемъ, представляютъ важный и богатый матеріалъ для ученыхъ работъ, такъ что уже въ этомъ одномъ отношеніи музей долженъ считаться центральнымъ учрежденіемъ для изученія зоологіи въ Россіи. Этого мало: по количеству находящихся въ музеѣ предметовъ, онъ долженъ считаться однимъ изъ центральныхъ учреждений всего образованнаго міра, потому что въ немъ заключается множество рѣдкостей и даже такихъ предметовъ, которыхъ въ другихъ музеяхъ совершенно не имѣется. Сверхъ того, богатство и изящество предметовъ и ихъ отличная постановка дѣлаютъ музей одною изъ полезнѣйшихъ достопримѣчательностей столицы.

Въ заключеніе, если бросимъ взглядъ на различіе характера собраній, соотвѣтствующихъ различнымъ временамъ, то исторію музея можно будетъ раздѣлить на три періода:

Первый періодъ обнимаетъ то время, когда коллекціи музея помѣщались сначала въ придворной аптекѣ въ Москвѣ, а потомъ въ Императорскомъ дворцѣ, въ Петербургѣ, и служили единственно предметомъ любопытства, представляя кабинетъ рѣдкостей, а не музей въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова. Известно, что въ то время не производилось никакихъ ученыхъ работъ и не издано даже каталога коллекцій.

Второй періодъ можно считать со времени передачи собранія въ Академію до переведенія ихъ въ нынѣшнее помѣщеніе. Характеристическая черта этого періода состоитъ въ томъ, что предметы коллекцій съ 1742 г. стали служить для ученыхъ работъ и подали поводъ къ составленію многихъ отличныхъ сочиненій, напр. изслѣдованій Палласа. Приготовленіе и размѣщеніе зоологическихъ предметовъ и особенно украшенія, изъ нихъ сдѣланныя, въ соединеніи съ искусственными произведеніями, напоминали еще собою старинные кабинеты рѣдкостей, такъ что незнакомые съ естественной исторіей, при посѣщеніи музея, получали иногда превратныя понятія о произведеніяхъ природы. О пожарѣ, случившемся въ началѣ этого періода, а равно и о томъ, что во второй половинѣ его уничтожилась отъ вѣтхости значительная часть предметовъ, уже было нами сказано. Такимъ образомъ музей постепенно приходилъ въ упадокъ, тѣмъ болѣе, что въ тогдашнемъ помѣщеніи невозможно было расположить коллекцій соотвѣтственно требованіямъ науки.

По перенесеніи въ новое, нынѣшнее помѣщеніе коллекцій (въ 1831 году) и по возможно удобномъ распредѣленіи въ немъ предметовъ, музей постепенно принималъ лучшій и лучшій видъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ пришелъ въ настоящее свое положеніе и сталъ на ряду съ лучшими зоологическими собраніями Европы. И такъ, съ вышеозначеннаго времени можно считать начало новаго, третьяго періода существованія музея. Въ теченіе этого періода, коллекціи выиграли

во многихъ отношеніяхъ, обогатились, улучшились и стали приносить большую пользу для науки. Чучела животныхъ перестали быть искаженіемъ природы, но стали произведеніями вполне художественными и вѣрными натурѣ. Для изслѣдованій и для распредѣленія произведеній, музей получилъ особыя, прежде вовсе не существовавшія комнаты. Для производства техническихъ работъ устроена особая лабораторія.

Сравнительно-анатомическій музей.

При основательномъ изученіи животнаго царства нельзя, какъ извѣстно, ограничиваться изслѣдованіемъ наружныхъ органовъ, но надлежитъ обращать особенное вниманіе и на внутреннее строеніе животныхъ. Въ 1831 году Академія не имѣла еще сравнительно-анатомическаго собранія, и слѣдовательно никакихъ матеріаловъ для обстоятельныхъ животно-морфологическихъ изслѣдованій. Всѣ наши анатомическіе препараты до 1831 года ограничивались 30, по большей части изломанными черепами и 3 скелетами. Поэтому устройство сравнительно-анатомическаго собранія казалось автору этой статьи настоятельною потребностію. Съ этою цѣлью онъ началъ съ того, что вынулъ черепа изъ чучелъ млекопитающихъ и птицъ, оказавшихся негодными для помѣщенія во вновь устроенномъ зоологическомъ музеѣ. Основанное такимъ образомъ собраніе мало по малу увеличилось скелетами, черепами и даже цѣлыми остовами животныхъ, какъ купленными, такъ и доставленными изъ ученыхъ экспедицій. Въ теченіе 33 лѣтъ образовалось собраніе скелетовъ и череповъ позвоночныхъ животныхъ всѣхъ классовъ, которое до весны 1863 г. помѣщалось рядомъ съ зоологическимъ музеемъ, въ двухъ залахъ, примыкающихъ къ минералогическому кабинету. Весною 1863 г. для большаго простора въ зоологическомъ музеѣ, это собраніе перенесено въ другое помѣщеніе, которое состоитъ изъ большой сводчатой залы, съ 7 большими окнами, и изъ маленькой сосѣдней комнаты, обѣ одномъ окнѣ. Это помѣщеніе находится въ нижнемъ этажѣ восточнаго флигеля академическаго зданія. Къ

сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, пришлось разставить большіе скелеты слишкомъ близко одинъ отъ другаго, и даже на самой срединѣ залы, такъ что проходить между ними можно только съ трудомъ и съ осторожностію. Въ богатомъ собраніи череповъ млекопитающихъ находятся нѣкоторые интересные и рѣдкіе экземпляры; изъ классовъ млекопитающихъ, какъ о рѣдкостяхъ, можно упомянуть о скелетѣ Тура (*Capra Pallasii*) и Аргали (*Ovis argali*), о почти полномъ скелетѣ исчезнувшей Штеллеровой Морской Коровы (*Rhytina Stelleri*), а также о двухъ ея черепахъ и нѣбной пластинкѣ. Кромѣ остеологическихъ препаратовъ, музей содержитъ въ себѣ значительное число цѣлыхъ животныхъ и внутренностей ихъ въ спирту. Анатомическихъ препаратовъ немного; они приготовлены большею частью при моихъ изслѣдованіяхъ. Между ними есть нѣкоторые, которые могутъ быть названы рѣдкостями, какъ напр. *Anomalurus* и т. п. Отъ препаратовъ Палласа я не нашелъ въ коллекціи и слѣдовъ. Непрепарованныхъ внутренностей животныхъ въ настоящее время накопилось достаточно, чтобы составить довольно богатое приращеніе сравнительно-анатомическаго собранія; но для этого совершенно нѣтъ ни средствъ, ни лицъ, которыя могли бы спеціально заняться этимъ дѣломъ. Весьма желательно было бы имѣть въ собраніи препараты съ налитыми сосудами, а также и микроскопическіе препараты. Состоявшій недавно при музеѣ препараторъ по части анатоміи умѣлъ дѣлать только скелеты; но и тотъ къ сожалѣнію умеръ.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, которые могутъ быть устранены лишь увеличеніемъ денежныхъ средствъ, сравнительно-анатомическое собраніе Академіи не разъ съ пользою служило для науки; а въ Россіи оно занимаетъ первое мѣсто между подобными собраніями. Безъ него многія изданныя (преимущественно Академіею) въ послѣдніе 34 года въ Петербургѣ зоологическія сочиненія были бы менѣе полны. Безъ него я не могъ бы сдѣлать мои изслѣдованія о строеніи многихъ группъ млекопитающихъ и птицъ, или отдѣльныхъ ихъ органовъ и написать многія палеонтологическія сочиненія. Другіе ученые, не принадлежащіе къ составу Академіи, какъ напр. г. Пандеръ и

профессоръ Груберъ также нерѣдко пользовались сравнительно-анатомическимъ собраніемъ Академіи.

Коллекція ископаемыхъ остатковъ позвоночныхъ животныхъ.

Особое собраніе ископаемыхъ остатковъ позвоночныхъ животныхъ основано также авторомъ настоящаго отчета. Это собраніе находится въ круглой, сводчатой залѣ зоологическаго музея, примыкающей къ минералогическому кабинету, какъ состоящее въ нѣкоторой связи съ палеонтологическимъ собраніемъ послѣдняго. Въ этой же залѣ находятся, какъ мы уже видѣли, исполинскій азіатскій слонъ, съ его скелетомъ и нѣсколько видовъ свиней. Палеонтологическіе предметы состоятъ преимущественно изъ остатковъ животныхъ класса млекопитающихъ и изъ гипсовыхъ слѣпковъ. Рядомъ со скелетомъ слона помѣщенъ скелетъ знаменитаго, найденнаго на р. Ленѣ мамонта, на головѣ котораго, равно какъ и на части правой ноги, еще уцѣлѣла шкура. Значительная, но, къ сожалѣнію, совершенно вылинявшая часть шкуры, покрывавшая тѣло, лежитъ у ногъ скелета. Два куска этой кожи, покрытые еще густыми волосами, для болѣе тщательнаго сбереженія, вмѣстѣ съ частію гривы, лежатъ тутъ же въ шкафу. Нѣсколько болѣе или менѣе полныхъ череповъ мамонта и множество клыковъ этого животнаго помѣщены вблизи его скелета. Одинъ изъ череповъ, и притомъ самый крупный, представляетъ поврежденіе, происшедшее, вѣроятно, вслѣдствіе ушиба, и потому замѣчателенъ въ патологическомъ отношеніи. На подставкѣ подъ скелетами слона и мамонта лежатъ вырытыя близъ Николаева въ 1860 году, подъ моимъ надзоромъ, остатки скелета мастодонта. Въ большомъ стѣнномъ шкафу, влѣво отъ мамонта, можно видѣть гипсовые отпечатки остатковъ ископаемыхъ животныхъ, открытыхъ въ Сиваликскихъ горахъ и описанныхъ Фальконеромъ и Каутлеемъ — цѣнный подарокъ англійской Остъ-Индской Компаніи. Въ томъ же самомъ шкафу находятся присланные изъ Москвы остатки мозга мамонта. Кромѣ этихъ интересныхъ предметовъ тамъ же хранится множество другихъ, болѣе или менѣе достой-

ныхъ вниманія вещей. Первое между ними мѣсто занимаютъ остатки снабженнаго костяной носовой перегородкой вымершаго, двурогаго, покрытаго волосами, носорога. Изъ этихъ послѣднихъ должно указать, какъ на предметы единственные въ своемъ родѣ, на найденныя на р. Вилюѣ въ замерзшей почвѣ, голову носорога, еще покрытую кожей, и на двѣ его ноги, также одѣтыя кожей. Подробныя свѣдѣнія объ этихъ остаткахъ напечатаны Палласомъ и мною въ академическихъ мемуарахъ. Рядомъ съ упомянутыми остатками хранится нѣсколько череповъ того же животнаго, частію полныхъ, частію безъ нижней челюсти, вмѣстѣ съ рогами, какъ цѣлыми, такъ и обтесанными Юкагирами или Тунгусами. Далѣе заслуживаютъ вниманія ископаемые черепа нѣсколькихъ видовъ быка, между которыми особенно замѣчателенъ найденный въ Сибири почти полный черепъ мускуснаго быка (*Bos moschatus*). Кромѣ того укажемъ на полученный изъ Керчи черепъ отъ *Cetotherium Rathkii* и нѣкоторыя другія части его скелета; затѣмъ на нѣсколько зубовъ эласмотерія, изъ которыхъ одинъ, подаренный графомъ Кейзерлингомъ, послужилъ, хотя и слабымъ, поводомъ Фишеру для установленія новаго вида, *Elasmotherium Keyserlingii*. Наконецъ, большая часть шкафа занята весьма значительнымъ числомъ костей вымершихъ животныхъ, открытыхъ въ самой Одессѣ и въ ея окрестностяхъ, и полученныхъ отъ профессора Нордмана, или же привезенныхъ мною изъ поѣздки моей на югъ Россіи.

И такъ зачатки образующагося у насъ собранія остатковъ вымершихъ позвоночныхъ животныхъ не могутъ считаться ничтожными. Не говоря уже о предметахъ весьма рѣдкихъ, въ этомъ собраніи не мало и такихъ, какихъ не имѣется въ другихъ музеяхъ. Хотя многіе изъ этихъ предметовъ и были уже описаны Палласомъ, Тилезіусомъ, Бэромъ, Фишеромъ и Нордманомъ, при всемъ томъ эти предметы приносили пользу и въ послѣднее время. Такъ напр. остатки мастодонта, носорога и цетотерія послужили матеріаломъ для болѣе или менѣе обширныхъ статей автора этого отчета. Другіе изъ упомянутыхъ остатковъ, напр. зубы эласмотерія и остатки мамонта составляютъ предметъ занятій его же; такъ о мамонтѣ приготовлена

имъ монографія, для которой наше собраніе доставило единственный въ своемъ родѣ матеріалъ.

Библіотека зоологическаго музея.

Предметовъ, хранимыхъ въ нашихъ собраніяхъ, не было бы возможно ни опредѣлять съ желаемою скоростію, ни изслѣдовать, если бы при нихъ не находилось необходимыхъ литературныхъ пособій, доступныхъ во всякое время, а не доставляемыхъ лишь въ опредѣленные часы изъ бібліотеки Академіи, помѣщающейся въ другомъ мѣстѣ. Удобство имѣть зоологическія и сравнительно-анатомическія сочиненія въ самомъ музеѣ было признано Академіей тотчасъ же по перенесеніи коллекцій въ новое помѣщеніе. Вслѣдствіе этого, зоологическія и сравнительно-анатомическія сочиненія составляютъ нынѣ отдѣленіе большой академической бібліотеки, но занимаютъ особыя комнаты въ музеѣ и находятся въ вѣдѣніи его директора. Такой порядокъ представляетъ еще и то удобство, что директору зоологическаго музея легче, чѣмъ начальству общей Академической бібліотеки, видѣть, чего не достаетъ въ зоологической бібліотекѣ, и заботиться о ея пополненіи.

Зоологическія и сравнительно-анатомическія сочиненія, по перенесеніи ихъ въ помѣщеніе музея, представляли чрезвычайно скудное литературное пособіе; среди нихъ не доставало множества самыхъ важныхъ и необходимыхъ сочиненій. Вообще число ихъ было ограничено, и они помѣщались въ одномъ небольшомъ шкафу; ихъ было лишь нѣсколько сотенъ томовъ, тогда какъ нынѣ число ихъ возрасло до нѣсколькихъ тысячъ. Въ теченіе болѣе 30 лѣтъ, я заботился о пополненіи имѣвшихся сочиненій и о приобрѣтеніи новыхъ; были покупаемы даже весьма цѣнныя, роскошныя изданія, коль скоро они казались необходимыми для науки. Такимъ образомъ постепенно образовалось собраніе книгъ, неумѣщавшееся въ одной просторной комнатѣ о 3 окнахъ, такъ что пришлось часть бібліотеки (чисто энтомологическія сочиненія) перенести въ энтомологическій кабинетъ. Въ настоящее время зоологическая бібліотека можетъ, безспорно, похвастаться не только самою полною въ Россіи,

но и вообще одною изъ богатѣйшихъ зоологическихъ библиотекъ въ свѣтѣ. Ею пользуются не только академики и служащіе при Академіи, но и постороннія лица. Правила для пользованія этой библіотекою составлены, на сколько это возможно, нестѣснительно: книги дозволяется читать не только въ самой библіотекѣ, но и на дому. Ученымъ, находящимся внѣ С.-Петербурга, необходимыя для ихъ занятій книги высылаются въ мѣста ихъ жительства, какъ то не разъ случалось относительно Дерптскихъ зоологовъ. Такимъ образомъ и зоологическую библіотеку можно причислить къ ученымъ учрежденіямъ Академіи, которыя въ широкихъ размѣрахъ способствовали успѣхамъ науки въ Россіи.

Зоологическая лабораторія.

Мы замѣтили уже выше, что во время преобразованія музея, основаніе зоологической лабораторіи представлялось существенно необходимымъ. Первоначальнымъ устройствомъ ея завѣдывалъ свѣдущій въ этомъ дѣлѣ тогдашній консерваторъ музея г. Шрадеръ, къ сожалѣнію въ 1846 г. уѣхавшій въ Германію. По отъѣздѣ г. Шрадера, въ продолженіе съ небольшимъ 3 лѣтъ, лабораторіей завѣдывалъ живописецъ Приссъ. Послѣ него въ консерваторы назначенъ И. Вознесенскій, только что возвратившійся тогда изъ кругосвѣтнаго путешествія. Подъ надзоромъ этого лучшаго изъ учениковъ Шрадера и донынѣ ведутся работы въ лабораторіи.

Препарированіе предметовъ, какъ то было и при Шрадерѣ, производится не для одного музея: свободные часы свои препараторы посвящаютъ работамъ по частнымъ заказамъ; ихъ произведенія пользуются извѣстностію за границей, и удостоились даже Высочайшаго одобренія. Въ Россіи въ настоящее время нѣтъ другаго заведенія, подобнаго нашей лабораторіи.

Такимъ образомъ зоологическій музей Академіи можетъ по справедливости считаться центральнымъ учрежденіемъ для изученія Россіи въ зоологическомъ отношеніи — учрежденіемъ,

какого въ ней до образованія этого музея не существовало. Впродолженія болѣе 30 лѣтъ, это учрежденіе стремилось къ достиженію слѣдующихъ важныхъ цѣлей: къ расширенію научныхъ свѣдѣній какъ вообще по части зоологіи, такъ и особенно по фаунѣ Россіи, къ составленію по возможности полной коллекціи животныхъ, причемъ имѣлось постоянно въ виду и изящество техническихъ работъ.

Таблица, показывающая число посѣтителей зоологическаго музея.

Мѣсяцы.	1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	1863.	1864.
Январь.				В				71 65 84 121
Февраль.				П				59 91 100 113
Мартъ.				У				77 120 76 45 81
Апрѣль.				С				53 192 56 45
Май.				Е		105 390		121 288 468 465
Іюнь.	132 93 390	138 375 522	132 414 552 441	З	390 378	195 330 570 549	510	432 570 662 443 643

Мѣсяцы.	1857.	1858.	1859.	1860.	1861.	1862.	1863.	1864.
Іюль.	600 525 600 330 678	570 813 924 900	486 582 702 984	н	519 453 660 189 660	657 585 738 480 870	659 1046 900 1000 943	543 590 609 455
Августъ.	570 600 411 954	1083 1047 1365 1692	738 639 750 846 900	е	876 750 597 900	1305 1020 1095 819	743 755 636 825	480 461 203 556 714
Сентябрь.	279 240 210 330 186	900 1386 870 453 525	210 300 246 222	а	534 615 270 300	531 192 201 225	509 301 294 302 325	603 572 370 320
Октябрь.	81 54	72 105? 141	162 111 33 84	ы	219 150 180 54 33	420 102	185 123 116 134	250 119 196 109
Ноябрь.			33	г			60 70 23 25?	124 125 91 22 16
Декабрь.				о			18 12 23 41 17	58 139 103 270
Общій счетъ	7263	13881	9567	—	8727	11382	10595	13369
Впускъ	19	19	22	—	20	21	28	52
Среднее число . . .	382	731	435	—	436	542	378	262

Примѣчанія. Вышеприведенная таблица заключаетъ въ себѣ списокъ всѣхъ впусковъ публики въ музей, за послѣднія 8 лѣтъ; она показываетъ число ежегодныхъ впусковъ, мѣсяцы, въ которые они начинались и прекращались, а также число посѣтителей, бывшихъ на каждомъ впускѣ.

Музей открытъ для публики по понедѣльникамъ; слѣдовательно на мѣсяцъ приходится отъ 4 до 5 впусковъ; поэтому

въ таблицѣ, въ каждомъ мѣсяцѣ, означено по четыре или по пяти чиселъ.

Первая изъ послѣднихъ трехъ строкъ таблицы показываетъ число посѣтителей за цѣлый годъ; вторая — число всѣхъ впусковъ, а третья — среднее число посѣтителей въ одинъ впускъ.

При этомъ надо замѣтить, что цифры, выставленныя въ таблицѣ, далеко не всѣ могутъ быть названы точными. Удовлетворительный способъ счисленія посѣтителей въ музеѣ введенъ лишь съ 1863 года. До того времени, счисленіе производилось по входнымъ билетамъ, собраннымъ при каждомъ впускѣ; но съ однимъ билетомъ, выданнымъ на 5 особъ, приходило иногда менѣе, а иногда болѣе этого числа. Чтобы по числу этихъ билетовъ хотя приблизительно судить о числѣ посѣтителей, принято, что каждый билетъ, среднимъ числомъ, служилъ на 3 человека. Съ 1863 г., въ замѣнъ прежнихъ билетовъ, выдается при входѣ каждому посѣтителю по жестяной маркѣ, которую онъ тутъ же опускаетъ въ особую кружку. Изъ таблицы видно, что въ музеѣ вообще бываетъ около 10,000 челов. ежегодно. Въ лѣтнее время онъ посѣщается публикою несравненно болѣе, нежели въ другія времена года, что, очевидно, зависитъ отъ климатическихъ условій нашей столицы. Данныя, на основаніи которыхъ составлена таблица, сообщены хранителемъ зоологическаго музея И. Г. Вознесенскимъ, который продолжаетъ собирать ихъ и нынѣ.

II.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ БОТАНИЧЕСКАГО МУЗЕЯ.

СТАТЬЯ АКАДЕМИКА Ф. И. РУПРЕХТА.

Въ архивѣ ботаническаго музея Академіи имѣется донесеніе академика Триніуса Конференціи 1834 г. объ учрежденіи этого музея въ 1824 году и объ устройствѣ его въ первое десятилѣтіе его существованія — важный документъ для исторіи музея за то время.

Старинные гербаріи, или сборники сушеныхъ растений, нынѣ уже стали довольно рѣдки, между тѣмъ, какъ документы для печатныхъ сочиненій, они иногда весьма важны; поэтому я, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, собралъ множество свѣдѣній, относящихся къ прежнему составу академическаго гербарія, и въ 1845 году написалъ, для храненія въ архивѣ ботаническаго музея, статью объ этомъ предметѣ въ дополненіе къ донесенію Триніуса, такъ что историческіе источники по этой части восходятъ къ самому основанію Академіи.

Самые старинные изъ гербаріевъ были собраны Руйшемъ (Ruysch) и Амманомъ, и каталогъ ихъ, составленный Штеллеромъ, напечатанъ въ 1745 году въ книгѣ: *Musei Imperialis Petropolitani Vol. I. pars 2.* По нынѣшнему состоянію ботанической науки, эти два травника почти уже потеряли всю свою цѣну, въ особенности Руйшевъ, который почти исключительно состоялъ изъ садовыхъ растений. Такимъ же образомъ и при бѣльшей части Аммановыхъ растений нѣтъ показаній о мѣсто-

нахожденіи и именъ приносителей, а растенія изъ Россіи такъ рѣдки, что Галлеръ въ своей *Bibliotheca botanica* восклицаетъ: *miseris paucitatem Sibiricarum*. Аммановъ гербарій заключалъ въ себѣ 4676 видовъ, количество, весьма значительное по тогдашнему времени, если сообразимъ, что величайшему систематику своего времени, Линнею, до его кончины въ 1778 году, извѣстно было всего только около 8500 видовъ растеній, и что коллекціи сушеныхъ растеній начали заводить и цѣнить по достоинству не прежде какъ послѣ Линнеева изрѣченія: «*herbaria praestant omni icone*». Наилучшіе образчики Амманова гербарія состояли въ растеніяхъ, собранныхъ въ 1725 и 1729 годахъ Гаустономъ (Houston) около Вера-Круса и на островѣ Ямаикѣ; на эти растенія ссылается и Линней, и они отчасти еще сохранились у насъ. Линней также получалъ растенія отъ Аммана и прислалъ ему въ даръ напечатанную въ 1737 году *Flora Lapponica*, съ собственноручнымъ посвященіемъ на заглавномъ листѣ, единственнымъ автографомъ Линнея, которымъ обладаетъ нашъ музей.

Большое число растеній Петивера и Слоана (Sloane), а также нѣсколько растеній Плукнета, которыя всѣ включены въ каталогъ Амманова гербарія, Академія получила еще до 1768 года, какъ это видно изъ показаній С. Г. Гмелина. Доставленные Петиверомъ растенія служили образчиками къ его *Musei Centuriae X* (1695—1703), иногда изъ малоизвѣстныхъ странъ, какъ то: съ острововъ Борнео, Чусана и пр. Амманъ говоритъ, что растенія Плукнета, умершаго въ 1706 году и оставившаго травникъ изъ 8000 породъ, хранятся въ Слоановомъ музеѣ. Слоанъ приобрѣлъ за 4000 ф. ст. также гербарій Петивера † 1718), который былъ соперникомъ Плукнета. Слоанъ умеръ въ 1753 году и завѣщалъ свой огромный гербарій Британскому музею. Растенія Слоановой коллекціи изъ Ямайки были собраны въ 1688 году; ими пользовался Линней, и они суть самыя старинныя въ Академическомъ музеѣ.

Въ 1743 году І. Г. Гмелинъ возвратился въ С.-Петербургъ изъ 10 лѣтняго своего путешествія съ большимъ собраніемъ сибирскихъ растеній. Замѣчательно, что и до сихъ поръ еще сохранилось много его растеній: они служили подлинными образ-

чиками не только для его *Flora Sibirica*, но и для сибирскихъ видовъ у Линнея — «*Gmelinus plantas sibiricas facile omnes misit.*» Также сохранилось довольно много растений Штеллера, который собиралъ ихъ въ Сибири въ 1738 по 1746 годахъ. Линней говоритъ, что онъ, чрезъ Демидова, получалъ растенія изъ травника Штеллера для опредѣленія ихъ, съ позволеніемъ оставить у себя по одному экземпляру каждого вида.

Съ выбытіемъ Іоганна Георга Гмелина изъ Академіи, почти вовсе прекращается въ ней представительство по части ботаники, до самаго Триніуса. Лепехинъ, въ продолженіе 35 лѣтней своей службы, ничего не сдѣлалъ для ботаники и запустилъ коллекціи. Фалькъ, С. Г. Гмелинъ, Зуевъ, Редовскій, Смѣловскій, Адамсъ и Рудольфъ скончались слишкомъ рано для своей академической дѣятельности.

Изъ путешествія Самуила Готлиба Гмелина по Гилану сохранилось много цѣнныхъ растений, которыя были привезены имъ или ученикомъ его Габлицлемъ, особенно «*ex alpebus Samamisisicis.*» Триніусъ въ 1823 году нашелъ эту коллекцію на чердакѣ кунсткамеры, подлѣ дымовой трубы, вмѣстѣ съ другими растеніями, разбросанными въ пакетахъ, еще не раскрытыхъ, совершенно согласно съ показаніемъ Георги въ 1790 г., «что академическій гербарій покоится въ нетронутыхъ связкахъ, въ ожиданіи разсмотрѣнія.»

Этимъ-то жалкимъ состояніемъ, можетъ быть, объясняется то, что знаменитый зоологъ Палласъ не хотѣлъ предоставить свой гербарій Академіи, а продалъ его чрезъ Криппса Ламберту, по смерти коего онъ былъ купленъ Британскимъ музеемъ за безцѣнокъ, а именно за 40 ф. ст. Академія, правда, хранитъ у себя кое-что отъ Палласова путешествія, но, по большей части, безъ означенія мѣстонахожденій; гораздо большая часть собранныхъ имъ растений, съ болѣе точными ярлыками, находится въ берлинскомъ и мюнхенскомъ королевскихъ гербаріяхъ. За то въ нашемъ академическомъ гербаріи хранятся почти полныя собранія растений Гильденштедта 1768 — 1775 годовъ съ Кавказа, и растенія Георги изъ его путешествія на Байкаль въ 1770 — 1774 годахъ, которыя еще могутъ служить къ поправкѣ нѣкоторыхъ опредѣленій въ описа-

ніи этихъ путешествій. Далѣе можно здѣсь упомянуть еще объ остаткахъ растеній Адамса съ Кавказа и съ береговъ рѣки Лены.

Видно, что во весь этотъ періодъ, начиная съ Гмелина (старшаго), въ академическій гербарій преимущественно поступали только растенія изъ разныхъ частей Россійской Имперіи, и что еще вовсе не помышляли о томъ, чтобы пріобрѣтать извѣстныя растенія сосѣдственныхъ странъ, столь необходимыя для сличенія съ туземными. Впрочемъ, нельзя не упомянуть о томъ, что Императрица Екатерина II, по ходатайству Палласа, говорятъ, ассигновала значительную сумму на покупку Линнеева натурального кабинета, и такимъ образомъ эта важная коллекція досталась бы Академіи, если бы наслѣдники не приняли еще прежде предложенія, сдѣланнаго имъ Смитомъ (Smith), уступить эту коллекцію за 900 гиней.

Въ 1784 году, Академія получила понынѣ хорошо сохранившіяся растенія съ острова Цейлона въ даръ отъ доктора І. К. Кёнига въ Транквебарѣ, родомъ лифляндца, ученика Линнея. Также еще существующія на-лицо растенія съ острова Санъ-Доминго, доставленныя Поатё (Poiteau) въ 1794—1801 годахъ, отчасти опредѣлены Сварцомъ и присланы сюда Рудольфіемъ. Кромѣ того, музей обладаетъ почти во всей полнотѣ коллекціею изъ 1390 растеній, принесенною въ даръ Тунбергомъ въ 1811 году: одна треть этой коллекціи собрана была самимъ Тунбергомъ на мысѣ Доброй Надежды, на Цейлонѣ, Явѣ и въ Японіи, другая же треть пріобрѣтена отъ Форстера, Сварца, Коллинсона, Кёнига, Массона, Спарманна, Фаля (Vahl), Лапейруза, Белларди и др.; а остальные растенія, безъ означенія мѣстонахожденій и имени приносителя, суть просто садовыя растенія.

Послѣ 14-лѣтняго упраздненія мѣста академика по части ботаники (въ слѣдствіе скуднаго оклада), Триніусъ, при вступленіи своемъ въ Академію (въ августѣ 1823 года), засталъ ботаническія коллекціи кунсткамеры (*simeliophylacium*) въ запущеніи и безпорядкѣ, отчасти доставшимися въ добычу насѣкомымъ. То, что еще было годнаго, по его мнѣнію, состояло изъ 4—5000 видовъ. Тогда Триніусъ возымѣлъ счастливую

мысль основать особый ботанический музей, и въ исполненіи ея нашелъ поддержку со стороны Академіи. Вслѣдствіе сего, цѣнные остатки коллекцій были перенесены въ приличное сухое и отапливаемое помѣщеніе, куда въ послѣдствіи поступили также ботаническія сочиненія изъ общей Библіотеки Академіи; заказано было 30 шкафовъ для храненія гербаріевъ, куплено бумаги для помѣщенія сушеныхъ растений, поставлены рабочіе столы, заведенъ журналъ для текущихъ дѣлъ, разобраны связки, растения приведены въ порядокъ и учреждена коллекція автографовъ, съ тою цѣлью, чтобы вѣрно опредѣлить, кѣмъ писаны найденные налице ярлыки.

Съ тѣхъ поръ начались приобрѣтенія цѣлыхъ гербаріевъ (Разумовскаго, Гофмана, М. Биберштейна) и другихъ коллекцій, участіе въ ботаническихъ предпріятіяхъ, снаряженіе и содержаніе на жалованіи собственныхъ путешественниковъ и собирателей на Кавказѣ, на Уралѣ, Алтаѣ, въ восточной Сибири, въ Пекинѣ, въ странахъ около Берингова залива, отъ Камчатки до Ситхи. Стало поступать множество пожертвованій, и заведенъ въ обширныхъ размѣрахъ обмѣнъ растений съ другими музеями и съ извѣстными ботаниками. По приблизительному расчету, Триніусъ въ исходѣ 1833 года насчитывалъ въ гербаріи отъ 21 до 22000 породъ, изъ которыхъ около 4000 были предварительно внесены въ каталоги. Тщательнѣе ихъ былъ составленъ каталогъ дублетовъ — важнѣйшій капиталъ для обмѣна, напечатанный въ двухъ отдѣлахъ; онъ заключалъ въ себѣ около 1800 породъ. Ботаническая библіотека, во время своего устройства, состояла только изъ 362 сочиненій въ 642 томахъ, такъ что въ ней не было множества важнѣйшихъ книгъ; да и не мудрено, потому что годовой штатъ всей библіотеки, имѣвшійся Минцъ-кабинетомъ, не превышалъ 2000 руб. ассиг., такъ что въ послѣдующія 10 лѣтъ могло быть куплено только 43 ботаническихъ сочиненія — фактъ, который, по словамъ Триніуса, одинъ былъ бы достаточенъ для его оправданія, если бы онъ сдѣлалъ еще меньше, чѣмъ было имъ сдѣлано дѣйствительно. При такихъ средствахъ не оставалось ничего болѣе, какъ только ограничиться одною избранною спеціальностію.

Послѣ кончины академика Бонгарда, въ 1839 г., вслѣдствіе

представленія Трипіуса, я вступилъ въ званіе консерватора музея — должность, которую добросовѣстно исполнялъ Бонгардъ съ 1835 года. Въ октябрѣ 1835 года музей былъ перенесенъ изъ кунсткамеры въ нынѣшнее его помѣщеніе. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 28 лѣтъ, сдѣлано столько приобрѣтеній, что и въ новомъ помѣщеніи стало тѣсновато, не смотря на то, что постоянно старались противодѣйствовать переполненію его посредствомъ возможно-бережливаго распредѣленія предметовъ. Многократныя мои просьбы объ отводѣ для музея новаго помѣщенія оставались безуспѣшными.

Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе объ общемъ и частныхъ гербаріяхъ музея, достаточно представить здѣсь краткій обзоръ его замѣчательностей, т. е. тѣхъ особенныхъ, характеристическихъ коллекцій, которыхъ не имѣется въ другихъ мѣстахъ, или, если и имѣется, то въ менѣе полномъ видѣ. Все незначительное, легко приобрѣтаемое покупкою, или добытое обмѣномъ, будетъ мною оставлено въ сторонѣ. Полный обзоръ, сдѣланный мною по 1845 года, слишкомъ обширенъ, чтобы быть здѣсь помѣщеннымъ. Съ 1845 года и раньше имѣются точныя описи всѣмъ поступавшимъ въ музей приобрѣтеніямъ.

I. Общихъ и систематическихъ гербаріевъ находится налицо:

Herbarium Gorenkianum (Разумовскаго), купленный въ 1826 году за 4000 руб. асс., состоитъ приблизительно изъ 10000 видовъ. Онъ заключаетъ въ себѣ незначительный гербарій Бача (*Batsch*) и болѣе цѣнный Потта, содержащій растенія Форстера изъ Южнаго Океана, съ Мыса Доброй надежды и пр., а также драгоцѣнные подлинники къ сочиненію *Du-Roi: Narbeckische Baumzucht*. По показанію Притцеля, имѣется печатный каталогъ Поттова гербарія; но я до сихъ поръ тщетно старался приобрѣсть его.

Гербарій Гофмана (московского профессора), купленный въ 1827 году за 3000 руб. асс. Въ немъ заключается много тайнобрачныхъ Эргарта. Другая часть этого гербарія находится въ музеѣ Московскаго Университета.

Гербарій М. Биберштейна, купленный въ 1828 году за

10000 руб. ассиг.; по оцѣнкѣ Стевена онъ содержалъ отъ 8 до 10000 породъ. Подлинники къ его *Flora Taugo-Caucasica* хранятся въ особомъ шкафу. Остальная часть вмѣщена въ общій гербарій музея: растенія Бессера, Рохеля, Рёмера, Стевена, Вальротовы подлинники къ *Schedul. crit.*, Черняева, Оливье, Гофмансегга и нѣсколько растеній Кювье.

Гербарій Флейшера, купленный въ 1830 г. за 600 р., содержитъ 3000 породъ изъ Южной Европы и изъ Смирны.

Bryothesa (коллекція мховъ) Бонгарда, 830 видовъ, тщательно разработанная и сданная въ музей въ 1840 году, заключаетъ въ себѣ экземпляры, доставленные Арноттомъ, Блиттомъ, Брухомъ, Функомъ, Гампе, Гукеромъ, Гоппе, Мюллеромъ, Шимперомъ, Сиберомъ Сварцомъ и др.

Agrostoihesa (коллекція злаковъ) Триніуса, сдана въ музей въ 1841 году; она содержитъ въ себѣ отъ 4 — 5000 породъ и всѣ подлинники къ многочисленнымъ сочиненіямъ Триніуса о злакахъ, съ каталогами и замѣчаніями. Эта важная часть музея хранится въ особыхъ шкафахъ и въ неизмѣненномъ порядкѣ. Она составлена изъ матеріаловъ Бауера, Бертеро, Бессера, Бейриха, Бунге, Шамиссо, Друммонда, Эренберга, Эйхвальда, Эшшольца, Франклина, Галлера (сына), Гампе, Гаупта, Гёфта, Гукера (большомъ числѣ), Горнемана, Гюгеля, Коха, Нэса, Панцера, Пёппига, Пресля, Сабина, Совича, Стевена, Зальцманна, Шиде, Шотта, Шрадера, Селлова, Сибера, Шпренгеля, Штейделя, Торрея, Валенберга, Вильденова, Вейта, Ценкера, Цейера и м. др.

Гербарій Шамиссо, купленный въ 1841 г. за 4000 р. асс., заключаетъ около 10—12 т. видовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ суть растенія, собранныя имъ во время путешествія вокругъ свѣта въ 1815 — 1818 годахъ и описанныя въ журналѣ *Linnaea* 1826 г., оригиналы съ русскихъ береговъ Берингова моря, собраніе Редовскаго изъ восточной Сибири, растенія Агарда, Бори, Бейриха, Бергіуса, Бертеро и Балбиса, Дюрвилля, Эшшольца, Эренберга, Функа, Флёрке, Горнемана, Гукера, Кребса, Лессинга, К. Мертенса, Ридера, Шиде, Серенжа, Селлова, Видлера и др.

Гербарій Мейера, купленный въ 1855—56 годахъ за 3000 руб. сер., содержитъ около 28000 породъ и сверхъ того спеціальныя коллекціи въ 143 пакетахъ, въ числѣ которыхъ находится коллекція 72 растений, которыхъ дотолѣ не доставало въ Музеѣ—коллекція, богатая экземплярами, особенно важными для русской флоры. Эта коллекція весьма разработана, и большая часть ея хранится въ особыхъ шкафахъ.

Отъ Нэса фонъ-Эзенбекъ куплена въ 1853 году, за 1264 талера, часть его гербарія, 2718 видовъ, и въ томъ числѣ подлинники его *Rubi germanici*, *Umbelliferae*, *Filicales*, *Cinchonaceae*, *Amygdaleae*, *Pomaceae*, *Sanguisorbeae*, *Roseae*, *Galiceae*, *Caprifoliaceae*, *Sileneae*, *Coniferae*, *Cycadeae* и др. меньшія семейства, подробнѣе обозначенныя въ описи его гербарія подъ номерами 2, 15, 35, 55, 60, 68, 70, 84, 88.

II. Отдѣльныя коллекціи различныхъ странъ:

Коллекція Кастальскаго, купленная въ 1830 году за 800 р. асс., включаетъ растения, собранныя въ его путешествіи вокругъ свѣта, особенно изъ Южнаго Океана и съ береговъ владѣній Россійско-Американской Компаніи.

Гербарій Нестеровскаго, 1833—37 съ Урала (изъ Златоуста) 1848 года изъ Пермской губерніи, 250 породъ съ каталогомъ. Это собраніе было принесено въ даръ.

Пёппига—куплена въ 1834 г. за 1000 р. ассиг. Одно изъ первыхъ собраній растений его путешествія, 2200 видовъ съ оригиналами къ его *Nova genera et species*.

Гессе (миссіонера въ землѣ Кафровъ) — пріобрѣтена въ 1838 году за 60 фридрихсдоровъ. Растенія, собранныя имъ въ теченіи 15 лѣтъ, съ 2 фоліантами рукописи.

Черняева—куплена въ 1839 г. за 800 р. асс. Тайноцвѣтныя растения Украйны; часть ихъ опредѣлена Вейнманомъ и издана въ 1844 году.

Галеотти, 1841. Злаки изъ Мексики, опредѣленные мною въ *Bull. de l'Acad. de Bruxelles*. Сверхъ того, одно изъ первыхъ собраній прочихъ мексиканскихъ растений Галеоти, 1900 нумеровъ, съ печатными объ нихъ объясненіями.

Богуслава — куплена въ 1844 году. Ахрангельская флора, издана въ *Flor. Samoied.* и въ *Erman Archiv. VI*.

Доллингеръ, 1844 и слѣдующихъ годовъ. 3200 нумеровъ съ острова Явы, одинъ изъ первыхъ его сборовъ.

Коленати 1845 г. Третій сборъ его кавказскихъ явноцвѣтныхъ, 1750 нумеровъ, и первый экземпляръ тайноцвѣтныхъ, 450 нумеровъ. Куплена за 100 руб. сер. Отчасти обработана Мейеромъ, Вейнманомъ и мною.

Ниландера, Фр., 1846 и слѣд. годовъ. Рѣдкія растенія Финляндіи и русской Лапландіи, изданныя имъ; также нѣсколько морскихъ растеній, обработанныхъ мною въ *Algae Ochot.* 1850.

Шпицера, 1846—47 годовъ. Гербарій Турціи въ 10 центуріяхъ. Подарокъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

Шренка, Алекс., 1847 года. Растенія Киргизской степи, 1450 породъ; изданы Фишеромъ, Мейеромъ и Траутфеттеромъ.

Лемана Алекс., 1848, 1851 годовъ, изъ Бухары, Самарканда и Оренбургскаго края, 1100 нум., изданы проф. Бунге въ *Reliquiae Lehmannianae*.

Гофмана, (Бранта) 1850 года, съ Сѣвернаго Урала, 270 породъ явноцвѣтныхъ. Принесены въ даръ и вполне разработаны мною въ *Fl. Uralensis*.

Карвинскаго, 1851 г.; приобрѣтена за 2000 р. — вторая коллекція.

Стречая (Strachey) и Винтерботтома, 1852 г.; подарокъ Остъ-индской Компаніи. 2100 породъ гималайскихъ растеній, одинъ изъ первыхъ нумеровъ.

Гукера и Томсона 1856—58 годовъ; принесена въ даръ и состоитъ изъ 1100 породъ растеній Гималайскихъ горъ.

Фишера (д-ра Себ.) 1850 года, 400 породъ съ острова Мадеры. Подарокъ.

Маака, 1857 года. Растенія съ Амура, изъ числа которыхъ 100 древесныхъ видовъ изданы мною; также гербарій съ рѣки Виллюя.

Татаринова, 1857 года; приобрѣтены за 800 рублей: пекинскій гербарій въ 566 породъ, китайская фармакогностическая коллекція, 3 китайскихъ сочиненія о ботаникѣ и атласъ съ 450 раскрашенными рисунками большаго формата.

Албрехта, 1863 года. Богатый гербарій изъ Хакодате (на остр. Іезо), 900 породъ; принесенъ въ даръ. Обработанъ будетъ г. Максимовичемъ.

Шмидта и Глена, 1863 г., куплена за 500 р. сер.; полная Сахалинская флора въ 530 породъ явноцвѣтныхъ, 340 породъ изъ сосѣдственной Корейской области, 400 породъ съ южнаго склона Становаго Хребта, съ источниковъ Буреи и Амгуна, и морскія растенія, вполне обработанныя мною въ разныхъ сочиненіяхъ.

Нордмана, 1837 года; 460 породъ изъ Абхазіи, Мингреліи и Гуріи, изданы Ледебуromъ.

Политова, въ 1838 году получившаго 400 р. ассг. вспомошествованія для лѣтней экскуріи къ Зайсанъ-Нору и къ верховьямъ Иртыша. Собранныя имъ растенія вполне обработаны Бонгаромъ и Мейеромъ для *Supplementum Fl. Altaicae alterum*. 1840.

Турчанинова, 1829—1836 г., получавшаго по 600 руб. ассиг. ежегодно. Растенія изъ восточной Сибири, описанныя имъ самимъ и другими.

Мертенса (Гейнриха), привезена въ 1830 году изъ путешествія вокругъ свѣта; отъ 1000 до 1200 породъ. Морскія растенія вполне изданы 1840 г. въ Пост. и Рупр. Изобр. и опис. морск. раст.; явноцвѣтныя съ береговъ російскихъ владѣній—въ *Bongard Fl. Sitcha*, также у Ледебура, Рупрехта и въ другихъ сочиненіяхъ. Растенія изъ Бонинъ-Симы обработаны Бонгаромъ, Зибольдомъ и Цуккарини. Кромѣ того Мертенсъ оставилъ гербарій въ 600 породъ Новгорода-Сѣверска (Черниговской губерніи).

Мейера, 1830 года. Кавказкія растенія, 2000 породъ, вполне обработаны.

Бунге, 1832 года; подлинники его *Fl. Chinae borealis* и *Supplem. I Fl. Altaicae*.

Лессинга, въ 1833 и 1834 годахъ, получавшаго ежегодно по 1000 р. асс., 262 породы съ Урала и 174 изъ Киргизской степи, всѣ изданы въ журналѣ *Linnaea*.

Шуберта, 1834 года, изъ Варшавы; дикія и разводимыя растенія, упомянуты въ *Spis roslin*.

Ладыжинскаго, 1834 года, Горскаго и Кирилова 1842 — 44 годовъ, Татаринова 1851 года; растенія Пекин-ской миссіи, принесенныя въ даръ Азіятскимъ Департаментомъ.

Фонъ Бэра, 1837 и 1842 годовъ, изъ Лапландіи; также новыя амурскія растенія; богатая коллекція древесныхъ отрубковъ съ острова Сахалина. Обработаны будутъ г. Шмидтомъ, а растенія южно-маньжурскія и амурскія—г. Максимовичемъ.

III. Отъ путешественниковъ, отправленныхъ въ разное время Академіей, и подарки разныхъ казенныхъ учреждений:

Лангсдорфа (Риделя), 1829 года. Бразильскій гербарій въ 3000 видовъ, отчасти изслѣдованъ Бонгаромъ, Триніусомъ, Мейеромъ, Марціусомъ, Бентамомъ, Кунце, Гризебахомъ, Нэсомъ, Рейсекомъ и др.

Рупрехта, 1841 года; подлинники къ его *Fl. Samoed.* Морскія растенія вполнѣ обработаны въ *Alg. Ochot.*; 1843 и 1845 годовъ, растенія изъ южной Финляндіи и съ сѣверныхъ береговъ Ладожскаго озера, упомянутыя въ *Fl. Petropolitana* и въ *Crypt. rusc.*

Вознесенскаго, 1841 — 1846 годовъ, изъ Калифорніи, С. З. Америки, съ Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ, съ Камчатки и изъ Берингова Моря. Морскія растенія вполнѣ обработаны въ *Alg Ochot.*, а стволы водорослей и важнѣйшія морскія растенія изъ Калифорніи (изъ бывшей колоніи Россѣ) служили мнѣ матеріаломъ для 2 особенныхъ мемуаровъ.

Миддендорфа, 1843—44 годовъ. Оригиналы къ *Fl. Taimurensis* и *Boganidensis* и къ *Fl. Ochotensis*, вполнѣ обработаны Траутфеттеромъ и Мейеромъ. Морскія растенія вполнѣ изданы мною въ *Algae Ochotenses*; другія тайноцвѣтныя изслѣдованы Г. и И. Борщовыми и В. Ниландеромъ.

Цѣнковскаго, 1850 года; второй экземпляръ растеній, собранныхъ въ плаваніе его по Нилу до Фацоглу № 1 — 486, (изъ которыхъ иныя пропали въ Кенехѣ); прекрасные образцы древесныхъ породъ, плоды и ископаемыя растенія. Академія дала пособіе въ 700 р. с.

Рупрехта, 1853 и прежнихъ годовъ, растенія изъ С. Петербургской губерніи, упомянутыя въ *Diatribae Fl. Petrop.*, въ Бюллетенѣ и *Flora Ingrica*.

Шренка, Л., 1857 года. Амурскія растенія, обработанныя мною въ первыхъ извѣстіяхъ объ Амурской флорѣ.

Борщова. И. 1858—59 годовъ; арало-каспійскія растенія, 594 нумера, отчасти имъ самимъ описанныя въ монографіи Каллигоней и въ мемуарѣ о Ферулацеяхъ, а отчасти Бунге въ *Revis. Anabasearum*. Коллекція 55 древесныхъ сортовъ — оттуда же.

Максимовича, 1859 года, 2-й экземпляръ; 644 породъ, по длинниковъ къ его *Primitiae Fl. Amurensis*. Подарокъ здѣшняго Императорскаго Ботаническаго Сада.

Рупрехта, 1861 г. Кавказскія растенія, собранныя въ послѣднемъ его путешествіи. Они нынѣ обрабатываются. Кромѣ того 30 новыхъ для коллекціи породъ деревьевъ, 72 плода и другіе предметы.

Раздѣленіе этихъ коллекцій, болѣе важное для музея, чѣмъ вышеприведенное, зависитъ отъ вопроса, должны ли такія пріобрѣтенія быть вмѣщены въ общій гербарій, или нѣтъ. Тѣ коллекціи, которыя еще не вполнѣ или вовсе не опредѣлены, обыкновенно остаются неизмѣняемыми, пока не напечатаются о нихъ сочиненія. Однако и нѣкоторые изъ такихъ гербаріевъ, которые служили для обработки спеціальныхъ флоръ, содержатся отдѣльно, и только 2-ые или 3-и экземпляры новыхъ породъ вносятся въ общій гербарій. Главный инвентарь всѣхъ еще неприсоединенныхъ къ общему гербарію коллекцій музея былъ представленъ мною Конференціи въ мартѣ 1860 года.

Изъ записныхъ книгъ видно, что съ 1834 по 1838 годъ поступило въ музей 31000 нумеровъ, съ 1839 по 1844 — около 52700 растекій; но въ одномъ собраніи Шамиссо, нынѣ уже соединенномъ съ общимъ гербаріемъ, было до 60000 нумеровъ. Надобно также замѣтить, что съ 1840 года, передъ внесеніемъ предметовъ въ общій гербарій, я гораздо строже смотрѣлъ на то, чтобы показанія на билетахъ были полны, потому что въ нихъ не рѣдко не достаетъ года и именъ собирателей или приносителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы экземпляры были прикрѣпляемы къ билетамъ во избѣжаніе всякаго смѣшенія. Но какъ, при изобильныхъ приращеніяхъ, для этихъ и другихъ работъ не доставало времени у состоящаго при музеѣ единственнаго хранителя, то употреблялись разныя средства для

достиженія главной цѣли, вѣрнаго и скорого нахожденія предметовъ. Лучшимъ изъ этихъ средствъ оказалось на опытѣ предварительное распредѣленіе вновь прибывающихъ растений; въ слѣдствіе этой мѣры, около 1845 года можно было наприм. всѣ приращенія породы *Viola*, даже и еще неопредѣленные, отыскивать и представлять желающимъ въ 2 часа времени, а это совершенно достаточно для ученыхъ работъ.

Въ прежнемъ порядкѣ общаго гербарія сдѣлано лишь немного перемѣнъ. Семейства и роды, а иногда и виды (которые обыкновенно расположены алфавитно) приведены въ точный порядокъ по *Prodromus*’у Декандоля. Исключеніе составляютъ орхидеи, коихъ роды лежатъ въ алфавитномъ порядкѣ, Трипсіусовы злаки, которые оставлены такъ, какъ они были расположены имъ самимъ, полузлаки (*Cyperaceae*) и нѣкоторыя другія однодольныя, распредѣленные по *Synopsis*’у Кунта. Для тайнобрачныхъ приняты за основаніе наилучшія монографіи. Сомнительныя и даже ошибочныя размѣщенія нѣкоторыхъ семействъ и родовъ въ упомянутыхъ руководствахъ не могутъ быть приняты въ соображеніе, потому что иначе нельзя было бы съ достовѣрностію находить искомыя растенія на однажды указанномъ имъ мѣстѣ. Гербарій не есть и не можетъ быть идеаломъ или строгимъ представителемъ естественной системы, и это вовсе не должно быть его цѣлью. Иной, конечно, могъ бы измѣнить то или другое, судя по своему мнѣнію; но эти измѣненія не всякому могутъ быть извѣстны.

Сколь же великъ итогъ всѣхъ растений академическаго гербарія? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ ежегодно требуется Комитетомъ Правленія Академіи. На этотъ конецъ служатъ каталоги или непосредственное счисленіе. Въ то время, когда гербарій еще не былъ такъ обширенъ, опись его могла быть составляема съ меньшимъ трудомъ; но въ послѣдствіи ея составленіе, при быстромъ увеличеніи, по недостатку времени и рабочихъ силъ, становилось все труднѣе. Въ исходѣ 1840 года, въ каталоги было внесено 12413 породъ, опредѣленныхъ по большей части трудами Бонгара. Кромѣ этого числа, въ началѣ 1842 г., было налице 3578 породъ сложноцвѣтныхъ, съ именами; въ теченіе того же года еще прибыло ихъ изъ гербарія

Шамиссо 175 видовъ, такъ что всего ихъ стало 3753, и это число, при неотлагательно требуемомъ отъ Министерства Народнаго просвѣщенія указаніи итога, было принято въ основаніе счета, а именно $\frac{1}{10}$ всѣхъ явноцвѣтныхъ. Такъ какъ внесеніе однихъ только именъ въ особые каталоги не соотвѣтствовало никакой научной цѣли, да и не приносило той административной пользы, какой можно было ожидать отъ него, то уже прежде была сдѣлана попытка каталога другаго рода, а именно принято болѣе удобное для контроля внесеніе всѣхъ билетовъ и экземпляровъ каждаго вида въ особый каталогъ. Въ 1841 г., Phycеае или тайнобрачныхъ водяныхъ растений, показано было 839 видовъ и 218 разновидностей—число, которое нынѣ возрасло до 1700, а семействъ VII, 2 тома Декандоля (Lobeliaceae до Ericaceae) 820 нумеровъ. Но слишкомъ скоро оказалось, что веденіе такой описи далеко превышаетъ силы одного консерватора и не можетъ быть продолжаемо безъ величайшаго ущерба для прочихъ, гораздо важнѣйшихъ работъ по музею. Вслѣдствіе этого, до 1845 г. и еще позже имѣвшіеся на лицѣ виды были отмѣчаемы или приписываемы въ новѣйшихъ монографическихъ сочиненіяхъ или, за недостаткомъ такихъ, въ Nomenclator'ѣ Штейделя, и такимъ образомъ составленъ каталогъ, который, самъ собою, поучительнѣе всякаго другаго и посредствомъ простыхъ знаковъ быстро указываетъ на подлинныя, неудовлетворительныя, лишнія, сомнительныя или неимѣющіеся на лицѣ виды растений. Естественно, что и эта работа не имѣетъ большой цѣны, если приведеніе растений въ порядокъ не сопряжено съ повѣркою ихъ опредѣленій; но для этого требуется немало времени. Въ ботаническомъ музеѣ Академіи 10 ботаниковъ могли бы трудиться въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не успѣвая управиться съ одною чисто распорядительною частью, не говоря уже о гораздо важнѣйшей, научной разработкѣ накопившагося матеріала.

По непосредственному счету листовъ, общій гербарій нынѣ содержитъ въ себѣ до 45000 породъ; но, если включить сюда также разныя приращенія и отдѣльно хранимыя коллекціи, то итогъ опредѣленныхъ видовъ возвысится до 50000. Пересчитывать самые экземпляры было бы напрасно; но счисленіе биле-

товъ исполнимо, хотя и потребовало бы большой траты времени и не принесло бы никакой особенной пользы.

Чтобы избавиться отъ лишнихъ экземпляровъ, которые только понапрасну занимаютъ мѣсто, а въ другихъ музеяхъ могли бы приносить пользу, дублиеты гербаріевъ отъ времени до времени отдаются въ обмѣнъ. Въ 1840 г. былъ напечатанъ и разосланъ разнымъ музеямъ и извѣстнымъ ботаникамъ каталогъ дублетовъ, провѣренный Ак. Мейеромъ. Въ немъ было поименовано до 1440 видовъ. Вслѣдствіе поступившихъ требованій, отдано было свыше 10000 экземпляровъ, а сверхъ того еще было роздано болѣе 4000 экземпляровъ растеній Зюнгариі и дублиеты морскихъ растеній. Въ послѣдствіи времени посылки изъ музея дѣлаемы были только по мѣрѣ встрѣчавшихся случаевъ и безъ выбора. Издержки перевозки иногда такъ велики, что посылки въ чужіе края почти прекратились, хотя музей такимъ обмѣномъ получалъ весьма цѣнный матеріалъ.

Открытіе доступа въ музей для публики при нынѣшнихъ обстоятельствахъ неудобноисполнимо. Публика едва ли была бы удовлетворена однимъ взглядомъ на шкафы, въ которыхъ хранятся гербаріи, а работы въ музеѣ претерпѣли бы большую помѣху, по неимѣнію при немъ особаго рабочаго кабинета. До сихъ поръ музей могъ быть доступенъ только для чисто-ученыхъ занятій. Кромѣ Академиковъ, которые преимущественно имѣютъ право пользоваться музеемъ, также всѣхъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ ботаниковъ, музей былъ всегда открытъ, и въ немъ предоставленъ имъ матеріалъ для спеціальныхъ занятій. При исчисленіи отдѣльныхъ коллекцій было показано, какую долю участія наше хранилище растеній имѣло на ботаническую литературу. Эти показанія легко могли бы быть еще умножены, еслибы это не значило вдаваться въ библіографическія спеціальности. Равнымъ образомъ, я не считаю себя въ правѣ исчислять здѣсь имена лицъ, пользовавшихся музеемъ; а простыя цифры въ этомъ случаѣ не имѣютъ никакого значенія. Въ музеѣ издавна назначенъ для посѣтителей понедѣльникъ; въ этотъ день консерваторъ обязанъ оказывать всякую помощь въ отыскиваніи желаемыхъ предметовъ. Для занятій имѣется нѣсколько столовъ, а книги, даже

постороннимъ лицамъ, по рекомендаціи академиковъ, ввѣряются на домъ. Вообще библіотекою пользуются такъ, что неоднократно налице не было ни одного изъ лучшихъ сочиненій по части анатоміи и фізіологіи — обстоятельство, хотя отчасти и отрадное, но весьма затруднительное для другихъ посѣтителей. Дорогія иллюстрированныя изданія или отдѣльные ихъ тома не выдаются на домъ, а могутъ быть просматриваемы въ самомъ музеѣ; изъятія изъ этого правила имѣли вредныя послѣдствія. По нынѣшнему ограниченному своему помѣщенію, ботаническій музей также не можетъ служить для учебной цѣли. Для этого назначены Университетъ, Медико-Хирургическая Академія и другія учебныя заведенія, ботаническіе сады и — природа. Если бы музею даны были достаточное помѣщеніе и надлежащія средства, то, конечно, нашлись бы предметы, которые, бывъ выставлены для поученія публики, могли бы приносить большую пользу, какъ то дознано въ Museum of Economic Botany Kew-Gardens близъ Лондона.

Лѣтъ за 25 предъ симъ, ботаническій музей еще не соотвѣтствовалъ этому названію, но былъ просто гербарій съ довольно скудною ботаническою библіотекою. Съ того времени Академія пользовалась всякимъ случаемъ не только къ пополненію библіотеки, но и къ приобрѣтенію, кромѣ гербаріевъ, еще и другихъ коллекцій. Начало тому положено «восковымъ помологическимъ кабинетомъ», который въ 1839 г. былъ подаренъ Академіи Г. Сиклеромъ изъ Ревеля и служить поясненіемъ къ 22 томамъ его же помологическаго сочиненія. Это — 600 отличныхъ восковыхъ моделей, изображающихъ 347 разныхъ сортовъ въ натуральной ихъ окраскѣ; эти модели до сихъ поръ, будучи предохраняемы отъ дѣйствія солнечнаго свѣта, еще мало пострадали. Для разстановки этой коллекціи и другихъ любопытныхъ предметовъ, заказанъ былъ большой стеклянный шкафъ, въ которомъ также выставлено полученное въ 1821 года поучительное собраніе ста европейскихъ деревъ Пинтера. Но скоро разные присоединившіеся къ тому замѣчательные предметы до того переполнили этотъ шкафъ, что нынѣ уже не можетъ быть рѣчи о пріятной для глазъ или даже только наглядной разстановкѣ; а за всѣмъ тѣмъ матеріаль долженъ быть

напередъ собранъ для разрѣшенія встрѣчающихся научныхъ вопросовъ. Нѣсколько восковыхъ моделей грибовъ, работы проф. Гофмана, которыя также помѣщены тамъ, доставлены были въ 1830 году изъ Варшавы. Менѣе искусно сдѣланы 122 гипсовые модели Бюхнера, изображающія 64 съѣдобныхъ и ядовитыхъ грибовъ Германіи.

Карпологическая коллекція большихъ плодовъ или сѣмянъ образуетъ существенное дополненіе къ общему гербарію. Нынѣ она состоитъ изъ 3000 нумеровъ—число, которое однако значительно можно уменьшить присоединеніемъ нѣкоторыхъ нумеровъ къ гербарію. Изъ большихъ плодовъ здѣсь находятся: *Lodoicea Sechellarum*, *Xylocarpus Granatum* (величиною съ дѣтскую голову), разныя Цикадеи (*Macrozamia Preissii* ♂, *Encephalartus horridus* ♂, *Caffer* ♂, *Cycas circinnalis* и *revoluta*), *Pinus Lambertiana*, шишки Протеацей, *Adansonia digitata* и 2-й видъ изъ Судана (Фазоглу), *Pandanus*, *Nipa*, *Cucifera thebaica*, *Sagus taedigera*, *Sloanea jamaicensis*, *Crescentia*, *Barringtonia*, *Anda*, *Aspidosperma* и т. д. Суставчатая бобовица *Entada Gigalobium* = *Mimosa scandens*, почти въ 2 фута длиною, сѣмена ихъ изъ Архангельска и съ Уналашки, *Muscina* изъ Парамушира (одного изъ Курильскихъ острововъ), занесенныя туда изъ тропическихъ странъ морскимъ теченіемъ.

Нѣсколько мясистыхъ плодовъ съ Южнаго Океана, изъ Рио-Жанейро и пр. сохраняются въ спирту: *Mangifera*, *Artocarpus*, *Averrhoa Carambola*, *Emblica grandis*, *Anacardium occidentale*, *Theobroma Cacao*, *Inocarpus edulis*, *Aleurites ambinux*. При большой части занимательнѣйшихъ плодовъ не имѣлось названій, а именно при привезенныхъ Мертенсомъ; составить поясненіе къ нимъ не допустила его преждевременная смерть. Въ этомъ отдѣлѣ всего 122 банки, въ которыхъ заключаются впрочемъ и нѣжныя части цвѣтовъ, *Salsolaceae*, *Cactaeae* и другія удоборазрушимыя или легко измѣняющіяся растенія, каковы напр. *Phallus impudicus*, *Balanophora*, *Nereocystis Lütkeana* и *Porra*. Изъ сухихъ чужездныхъ растеній въ банкахъ хранятся: *Hydnora africana* и *triceps*, *Sarcophyte sanduinea* ♂ ♀, *Senftenbergia Moritziana* ♂ ♀, *Cytinus Hypocistis*, *Boschniakia*, *Rafflesia Patma* и *Balanophoreae* съ острова Явы.

Продольные и поперечные разрѣзы деревъ, въ грубомъ видѣ или полированные, составляютъ дендрологическую коллекцію, столь важную для анатоміи живыхъ и ископаемыхъ деревъ. Она въ послѣдніе годы была столь усердно пополняема, что нынѣ состоитъ, по каталогу, изъ 900 разныхъ видовъ, изъ которыхъ однако нѣкоторые не имѣютъ научнаго имени, а обозначены только названіемъ простонароднымъ. За норму принята такая ихъ толщина, которая не дозволяетъ помѣщенія въ гербаріи. Тутъ находятся представители древесныхъ видовъ съ Кавказа, изъ Арало-Каспійской степи (*Salsolaceae*, *Tamarix*, *Calligonum*), съ Амура, съ острова Сахалина и изъ Японіи, Мексики, Колумбіи, изъ тропическихъ частей Нила и т. п., большіе куски *Zelkova*, *Boswellia papyrifera*, *Euphorbia Candelabrum*, *Dalbergia Melanoxylon*, *Ficus Tsjelda*, *Cecropia*, *Crescentia*, Ліаны *Caulostretus*, *Ephedra* въ 6 фут. величиною, *Pandanus* въ 8, толстые стволы Саксаула (*Haloxylon Ammodendron*) и пальмъ (въ томъ числѣ толстая развѣтвленная *Cucifera*), древовидные папоротники (*Didymochlaena*, *Alsophila* съ Бонинъ-Симы въ 8 футовъ, *Cyathea Schanschin* съ слоемъ воздушныхъ корней, въ 3 фута), и всѣ привозимые въ Петербургъ и Гамбургъ торговые породы подѣлочнаго лѣса и т. д. Здѣсь можно упомянуть также о небольшихъ стволахъ разныхъ морскихъ растений изъ отдѣла *Laminariaceae*, которые служили матеріаломъ къ одной изъ моихъ диссертаций, помѣщенной въ Запискахъ Академіи, о стебляхъ растенія, дающаго *Gummi Amoniacum*, въ ростъ человѣческій, и *Asa foetida*, съ корнемъ ея, а равно о корнѣ одной *Ferula*, нѣжныя и густыя волокна которой сплетены въ видѣ косы. Отличныя поперечныя пластиночки 300 древесныхъ видовъ Нердлингера представляютъ переходъ къ микроскопическимъ препаратамъ.

Ископаемыхъ растений имѣется въ музеѣ 500 штукъ; но изъ нихъ 150 почти не имѣютъ цѣны, за неизвѣстностію ихъ мѣсто-нахожденій. Лучшая часть этой коллекціи состоитъ изъ окаменѣлыхъ деревъ, между которыми нѣкоторыя полированы. Оттисковъ немного, и эта часть обыкновенно исключается изъ музея, потому что требуетъ слишкомъ много мѣста; исключаются также образцы каменнаго угля безъ структуры. Изъ чис-

ла окаменѣлыхъ деревъ, продающихся у Кранца и компаніи, приобрѣтено все. Изъ Теофрастова окаменѣлаго лѣса близъ Каира имѣется много кусковъ (*Nicolia*). Отъ *Protopteris confluens*, окаменѣлаго древеснаго папоротника изъ Киргизской степи, хранится въ музеѣ изслѣдованный и описанный мною въ Бюллетенѣ брусокъ. Дюжина полированныхъ пластиночекъ ископаемыхъ деревъ Шлейдена и Шенка причислены къ микроскопическимъ препаратамъ.

Положено также начало физиологической, тератологической и патологической коллекціи. Она состоитъ: 1) изъ упомянутыхъ въ системѣ растительной физиологіи Мейена и имъ самимъ доставленныхъ препаратовъ къ объясненію кругообращенія соковъ и одеревенѣнія въ сучьяхъ; 2) изъ образчиковъ къ описанному мною въ Бюллетенѣ случаю совершенно вырѣзаннаго въ 1836 года ствола донинѣ еще живущей пихты въ Павловскѣ; 3) изъ оленьяго рога, совершенно вросшаго въ сучья дерева отъ поврежденія и покрытаго въ послѣдствіи древесными слоями и заживающею корою (что иные принимаютъ за шутку пастуховъ или охотниковъ); 4) изъ цѣлой коллекціи сушеныхъ растительныхъ уродливостей, собранныхъ Мейеромъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Отдѣленіе по части фармакогнозіи и хозяйственной ботаники заключаетъ въ себѣ 1258 предметовъ, и сверхъ того китайскую коллекцію того же рода въ 350 нумеровъ, привезенную изъ Пекина Татариновымъ и поясненную литографированнымъ каталогомъ. Фармакогностическая коллекція куплена въ 1856 году по рекомендаціи профессора Фёбуса и содержитъ въ себѣ 600 растит. предметовъ съ каталогомъ—едва ли не все, что донинѣ попадаетъ въ торговлѣ. Она дополняется непрерывно. Изъ хозяйственно-техническихъ предметовъ, нельзя не упомянуть о собраніи самыхъ разнообразныхъ растительныхъ волоконъ, употребительныхъ для тканья, и образчиковъ постепенной ихъ обработки въ ткани, по большей части подареннаго наслѣдникомъ академика Гамеля. Этотъ отдѣлъ вообще не можетъ быть строго ограниченъ и вмѣщаетъ въ себѣ предметы, которые не совсѣмъ подходятъ ни къ дендрологической коллекціи

(кора и корни), ни къ карпологической (съѣстные припасы и разные сорта хлѣбныхъ растений), ни къ гербаріямъ.

Микроскопическіе препараты въ 1859 г. доставлены Шпернейдеромъ; это — 363 образчика, служащіе къ поясненію анатомическаго строенія стебля, древесины, коры, листа, образованія почекъ, листьевъ и зародыша, а равно растений тайноцвѣтныхъ. Они до сихъ поръ хорошо сохранились. Музей обладаетъ большимъ микроскопомъ Ноберта съ пробными скалами, винтовымъ и стекляннымъ микрометрами, двумя меньшими микроскопами Обергейзера и Шика; а также увеличительными стеклами, объективными и накрывательными стеклами и другими принадлежностями для производства микроскопическихъ препаратовъ и изслѣдованій.

Въ архивѣ музея хранятся инвентари и всѣ до музея относящіяся свѣдѣнія, каталоги, записныя книги и 52 рукописи и собранія рисунковъ. Эти предметы могутъ быть выдаваемы лишь директоромъ музея, и ссужаемы на домъ не иначе, какъ вслѣдствіе поданнаго въ Конференцію Академіи мотивированнаго прошенія. Первыя рукописи, поступившія въ музей, сданы были туда еще по ходатайству Триніуса. Тутъ содержатся: старинныя рукописи, черновыя бумаги и рисунки Буксбаума, І. Г. Гмелина, Аммана, Штеллера, Крашенинникова, Гмелина младшаго и Габлиця, Соболевскаго, послужившія для разныхъ изданій; Герберова *Flora volgensis* 1739 г., Крашенинникова «*Cryptantherae*», которыя въ 1844 г. были признаны мною за неизданный и уже считавшійся потеряннымъ V томъ Гмелиновой Сибирской Флоры, и которыми я пользовался при изданіи въ свѣтъ *Crypt. vasc. Ross.*; ботаническія замѣтки, сдѣланныя Гильденштедтомъ въ его путешествіи на Кавказъ, отчасти сообщенныя, въ извлеченіи, Палласомъ въ его *Flora Rossica*; далѣе—открытое мною лишь въ 1845 году продолженіе Палласовой *Flora Rossica*, съ изображеніями, еще доселѣ остающееся необработаннымъ, но нѣсколько поврежденное и безъ 5 первыхъ листовъ. Къ нынѣшнему столѣтію относятся: рукопись М. Биберштейна *Fl. Tauro-Caucasicae* и *Florae Rossicae* (можетъ быть простая компиляція); Адамса описаніе 50 кавказскихъ растений 1803 года,

напечатанное въ Weber u. Mohr's Beiträge, съ большими перемѣнами въ редакціи; разныя рукописи Смѣловскаго, 1803—1815 годовъ. Изъ новѣйшаго времени имѣются: записки и 32 рисунка Бонгара, изображающіе родъ *Eriosaulon*, свѣдѣнія о растеніяхъ Мертенса изъ Бонинъ-Симы и Гуагама; замѣчанія Шамиссо о *Potamageton* и объ осокахъ (*Carices*); записки и выписки Триніуса о злакахъ; рукописи и рисунки Бонгара и Мейера о бразильскомъ родѣ *Erythroxylon*, одновременные съ монографіею Марціуса; неизданные бразильскіе виды и рисунки растеній Ругендаса и Флоранса (переданные въ музей Лангсдорфомъ); эскизы и рисунки морскихъ и другихъ растеній, начертанные Постельсомъ во время его путешествія; Рохеля словарь: *Slavisches Pflanzen-Onomasticon* 1840 года; примѣчанія Вознесенскаго къ растеніямъ, собраннымъ въ его путешествіи по Калифорніи и въ російскихъ владѣніяхъ на Беринговомъ морѣ, въ Камчаткѣ, Ситхѣ и т. д.; около 1500 изображеній грибовъ, изъ которыхъ однако только $\frac{1}{3}$ въ подлинникахъ,—подарокъ изъ наслѣдства д-ра Гёфта; замѣтки Витмана къ его таврическимъ, кавказскимъ и анатолийскимъ растеніямъ; *Ampelographia Astrachanensis*, въ 21 раскрашенныхъ таблицахъ (подарокъ академика Веселовскаго 1857 года); наконецъ, изображенія Татаринова растеній пекинской флоры, съ анализами, выполненныя китайскими художниками на 450 раскрашенныхъ листахъ большаго формата.

Въ библіотекѣ музея хранятся только сочиненія чисто-ботаническаго содержанія. Сочиненія же смѣшаннаго содержанія и ботаническіе отдѣлы путешествій вокругъ свѣта, а равно изданія объ ископаемыхъ растеніяхъ находится во II отдѣленіи, сочиненія же на русскомъ и славянскихъ языкахъ въ I отдѣленіи академической библіотеки. Устройство ботанической библіотеки представляетъ большое удобство при изученіи растеній въ музеѣ. За исключеніемъ *Flora Graeca* и нѣкоторыхъ дорогихъ изданій съ гравюрами о садовыхъ растеніяхъ, наиважнѣйшія ботаническія сочиненія имѣются почти всѣ налице. О прежнемъ счисленіи библіотеки можно найти свѣдѣнія въ моемъ донесеніи, напечатанномъ въ Бюллетенѣ на 1840 года. Къ началу 1862 года въ ней считалось 2825 сочиненій, въ томъ чи-

слѣ болѣе 800 диссертаций и брошюръ. Этому собранію книгъ имѣется алфавитный каталогъ на особыхъ карточкахъ, а сверхъ того существуетъ и систематическій каталогъ, который однако составленъ довольно давно.

Въ заключеніе приводимъ счетъ издержекъ, употребленныхъ по сіе время на ботаническій музей (за исключеніемъ библіотеки):

	руб. асс.
Съ 1823 по 1833 г., по показанію	
Триніуса, издержано	44000
Въ 1834 и 1835 годахъ около . .	4500
Съ 1836 по 1844 г., штатной суммы	31500
Съ 1835 по 1844 г. включительно, прибавки изъ хозяйственныхъ суммъ, на шкафы, бумагу, пап- ки для гербаріевъ и на картонки	2237
	82237 р. а. = 23496 р. с.
Съ 1845 по 1863 г. включительно, штатной суммы	19000
Въ 1860 году, добавки ихъ хозяйственныхъ суммъ	522
	Итого 43018 р. с.

Къ этому еще слѣдуетъ прибавить жалованье консерватору и издержки на прислугу и отопленіе. Директоръ не получаетъ никакого вознагражденія, хотя на его отвѣтственности лежитъ цѣлость собраній, ему ввѣренныхъ. Ни консерваторъ, ни директоръ не имѣютъ права обладать собственными коллекціями, однородными съ тѣми, которыя ввѣрены ихъ надзору.

III.

МИНЕРАЛОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

СТАТЬЯ ХРАНИТЕЛЯ СЕГО МУЗЕЯ, АД. ФР. ГЕБЕЛЯ.

Краткій очеркъ исторіи Минералогическаго музея Академіи Наукъ.

Вскорѣ послѣ основанія Академіи Наукъ въ 1725 году Екатериною I, начались и тѣ пріобрѣтенія, изъ которыхъ образовался нынѣшній составъ минералогическаго музея. Еще при Петрѣ I были куплены довольно значительные для тогдашняго времени кабинеты естественныхъ наукъ аптекаря Зеба въ Амстердамѣ и доктора Готвальда въ Данцигѣ, заключавшіе въ себѣ, кромѣ разныхъ другихъ рѣдкостей, и предметы минеральнаго царства. Эти вещи, а равно и пріобрѣтенныя впослѣдствіи у архіатра Арескина въ Москвѣ, а также привезенныя путешественниками Мессершмидтомъ, И. Г. Гмелиномъ и Крашениниковымъ изъ Сибири и Камчатки, съ 1726 года помѣщались въ новомъ зданіи Академіи. Академикъ Гмелинъ началъ подробное описаніе на латинскомъ языкѣ минералогической части общаго академическаго музея всѣхъ трехъ царствъ природы; но окончить это сочиненіе досталось на долю Ломоносова, который издалъ его подъ заглавіемъ: «*Musei Imperialis Petropolitani, vol. I, pars tertia, qua continentur res naturales ex regno minerali*». 1743. Это — единственный печатный каталогъ, который минералогическій кабинетъ Академіи имѣлъ въ то время. Но возможность пользованія имъ продолжалась не долго, такъ какъ чрезъ два года, именно 5 декабря 1747 г., академическое зданіе сгорѣло, и вмѣстѣ съ нимъ погибла и большая часть коллекцій.

Въ слѣдующемъ году, Императрица Елисавета назначила сумму для возобновленія академическихъ зданій и музеевъ. Количество спасенныхъ отъ пожара минераловъ дополнилось коллекціями, которыя привезъ съ собою вызванный изъ Тюбингена въ Академію профессоръ Гмелинъ. Въ 1760 г. въ музеѣ уже было 4098 иностранныхъ минераловъ и 266 штукъ янтара и шлифованныхъ каменьевъ, которымъ по сіе время сохранился подробный реэстръ, составленный академикомъ Леманомъ. Минералогическія коллекціи помѣщены (въ 1766) въ нижнемъ этажѣ возобновленнаго зданія Академіи (въ нынѣшней библіотекѣ).

Въ 1767 году пріобрѣтена покупкою значительная по тому времени коллекція берграта Генкеля, которая заключала въ себѣ 2425 номеровъ и была снабжена подробнымъ каталогомъ. Кромѣ того, музей дополнился минералами, доставленными ему экспедиціями, совершенными въ царствованіе Екатерины II; съ 1768 — 75 во внутреннихъ провинціяхъ имперіи путешествовали Палласъ въ сопровожденіи Соколова, Зуева и Рычкова; Лепехинъ съ Берецкимъ и Фалькъ въ сопровожденіи Георги и хирурга Барданеса отправились въ Оренбургскую губернію и восточную Россію, между тѣмъ какъ Гмелинъ младшій, Габлицъ и Гильденштедтъ направили свой путь на югъ Имперіи и въ Персію. Каталогъ минералогическо-геогностическихъ коллекцій этихъ экспедицій, составленный профессоромъ ботаники Лаксманомъ, заключалъ въ себѣ 1508 номеровъ; къ несчастію, этотъ каталогъ затерянъ, и мы находимъ только поучительныя выписки изъ него въ позднѣйшихъ каталогахъ академика Георги.

Наконецъ, изъ всего существовавшаго матеріала, минералогическій музей былъ вновь организованъ въ 1776 г. и помѣщенъ въ двухъ комнатахъ академическаго зданія, съ раздѣленіемъ коллекцій по Лемановой системѣ на три разряда, заключавшіе въ себѣ 8947 номеровъ. Общій обзоръ содержанія этихъ собраній Бакмейстеръ сообщаетъ въ своемъ трудѣ: *Essai sur la bibliothèque de l'Académie etc.* 1776, стр. 221.

Съ назначеніемъ княгини Дашковой въ президенты Академіи, на нѣкоторое время наступаетъ новая эра для минерало-

гического музея, потому что Дашкова весьма живо принимала къ сердцу процвѣтаніе всѣхъ учреждений и музеевъ Академіи, а въ особенности расширеніе минералогического музея, который ей обязанъ множествомъ драгоценныхъ пріобрѣтеній и подарковъ. Она назначала преміи для минералогическихъ трудовъ; изъ этихъ премій первая присуждена въ 1785 г. Карлу Гайднгеру въ Вѣнѣ. Была пріобрѣтена за 8 тысячъ рубл. коллекція статскаго совѣтника Нартова, и это обогащеніе, а равно и щедрые подарки Императрицы Екатерины II и разныхъ частныхъ лицъ, повели къ тому, что княгиня Дашкова велѣла перевести минералогическій кабинетъ въ двѣ особенныя, большія залы. Академикамъ Ферберу, Георги и Зуеву и корреспонденту Академіи Ренованцу было поручено въ 1785 г. устройство новаго музея и составленіе подробнаго каталога. Этотъ каталогъ, редакція котораго была возложена на Георги, оконченный въ 1789 г., состоитъ изъ двухъ томовъ, на латинскомъ языкѣ *in folio*; изъ нихъ одинъ заключаетъ въ себѣ списокъ всѣхъ иностранныхъ минераловъ, а другой — минераловъ Россіи. Въ концѣ 1789 г. всѣхъ минераловъ было 12,900; но это число въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ значительно возрасло, благодаря покупкамъ и пожертвованіямъ.

Внутреннее устройство музея, кажется, не измѣнилось въ продолженіе 20 лѣтъ. Однакожъ, судя по отчету академика Севергина 1821 г., можно полагать, что музей, въ теченіе этого времени, былъ не разъ перемѣщаемъ, потому что въ этомъ отчетѣ говорится, что коллекціи были распредѣлены по 4 комнатамъ, которыя находились въ разныхъ мѣстахъ средняго этажа академическаго зданія. Впрочемъ, вѣроятно, частныя пріобрѣтенія и новые взгляды на предметъ, образовавшіеся въ концѣ столѣтія, развитіе науки, переворотъ, сдѣланный Роме-де-Лилемъ и Гаю въ кристаллографіи, а также господство минералогической системы Вернеровой школы, основанной на опредѣленіи естественныхъ признаковъ, наконецъ, усердное изученіе геогнозіи и географіи — все это вынудило дать новое устройство музею. А такъ какъ независимо отъ того, тяжесть минераловъ и камней, сложенныхъ въ среднемъ этажѣ зданія, грозила опасностію сему послѣднему, то перемѣщеніе коллекцій

казалось необходимымъ, какъ для самаго зданія, такъ и для удобнѣйшаго обзора всего наличнаго матеріала. Наконецъ въ 1820 г., при академикѣ Севергинѣ, удовлетворено было общее требованіе, давно уже казавшееся необходимымъ: всѣ коллекціи изъ упомянутыхъ четырехъ комнатъ средняго этажа переведены въ нижній, снабженный сводами, причемъ коллекціи соединены въ одной большой залѣ, находившейся у входа въ кунсткамеру. Севергинъ далъ музею другое устройство, раздѣливъ его на 6 большихъ отдѣленій:

- 1) Кабинетъ Русскихъ минераловъ.
- 2) Кабинетъ иностранныхъ минераловъ.
- 3) Кабинетъ, устроенный по системѣ Гаю.
- 4) Кабинетъ для изученія наружныхъ признаковъ минераловъ.
- 5) Кабинетъ геогнозій.
- 6) Кабинетъ географическій, въ коемъ Русскіе минералы были распредѣлены по губерніямъ.

Но ни одно изъ этихъ отдѣленій не имѣло каталога, и у насъ есть только общій обзоръ тогдашняго состоянія коллекцій. Вышеупомнутый отчетъ напечатанъ Севергинымъ въ 1821 г. (Краткая опись Минеральному Кабинету Императорской Академіи Наукъ, по новому онаго расположенію въ 1820 году. Спб. 1821). По этой описи количество нумеровъ въ музеѣ простиралось до 20,000.

Слѣдующій затѣмъ періодъ третьяго десятилѣтія нашего вѣка почти самый темный въ исторіи нашего музея. Свѣдѣній о коллекціяхъ этого времени имѣется очень мало, а съ 1826 до 1829 ихъ вовсе не осталось. Наконецъ, въ 1830 г. предпринято было новое окончательное преобразование. Г. Постельсъ, привезшій изъ своего кругосвѣтнаго путешествія довольно значительное количество геогностическихъ коллекцій, получилъ сперва должность консерватора музея и помощника тогдашняго директора, академика Купфера. Въ томъ же году Академія получила отъ щедротъ Императора Николая I знаменитую въ то время коллекцію минераловъ г. Струве, нашего посланника въ Гамбургѣ, за которую было заплачено 50,000 руб. асс.

Она заключала въ себѣ 6570 нумеровъ и состояла изъ множества прекраснѣйшихъ образцовъ. Въ слѣдующемъ году было назначено новое помѣщеніе для минералогическаго музея, и по устройствѣ онаго, коллекціи переведены въ новыя залы, гдѣ онѣ и до сихъ поръ хранятся. Въ 1830 г., по приведеніи въ порядокъ коллекцій, г. Постельсъ донесъ, что на-лицо состоитъ 30,000 нумеровъ. Только при его преемникѣ, г. Гельмерсенѣ, послѣ долгаго времени (послѣ Георги), снова была заведена шнуровая книга съ описью предметовъ въ систематическомъ порядкѣ, и тогда же приступлено къ тщательному распредѣленію и устройству всей коллекціи. Затѣмъ, мы обязаны доктору Гренвингку составленіемъ одной части историческихъ замѣтокъ по музею и нѣкоторыми спеціальными каталогами.

Печечислимъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ, согласно шнуровой книгѣ, болѣе значительныя, по количеству предметовъ, коллекціи, пріобрѣтенныя музеемъ съ его основанія до сего времени. Изъ нихъ старинныя собранія, частью въ раздробленномъ видѣ, вошли въ составъ общаго собранія, частью въ теченіи времени были разсортированы; о прежней же наличности ихъ мы получаемъ свѣдѣнія въ сохраняемыхъ понынѣ каталогахъ, изъ которыхъ нѣкоторые отличаются значительною подробностію. Замѣчательнѣйшія пріобрѣтенія новѣйшаго времени, а именно съ 1818 по 1864 г., почти всѣ сохраняются въ цѣлости.

- 1716. Кабинетъ аптекаря Зеба въ Амстердамѣ. *Musaeum Gottwaldianum* въ Данцигѣ.
- 1726. Коллекція архіатра Арескина.
- 1727. Коллекція, собранная въ путешествіи Мессершмидта.
- 1738—45. Минералы Гмелина съ Урала и изъ Сибири.
Минералы Крашениникова изъ Камчатки.
- 1757. Иностранные минералы проф. Гмелина.
- 1767. Коллекція Генкеля въ 2425 нумеровъ.
- 1768—1774. Собраніе минераловъ, добытыхъ въ путешествіяхъ Палласа, Георги, Лепехина, Фалька,

- Гмелина младшаго и Гильденштедта, означенная въ каталогѣ Лаксмана (1508 нумеровъ).
1780. Шведскіе минералы короля Густава III, 313 нумеровъ.
1781. Коллекція Зако. Образцы Гумешевской мѣдной руды, Турчанинова.
1784. Коллекція Нартова, 1763 нум.
1785. Горныя породы Фохта въ Веймарѣ, 60 нум. Гернгросса камня и земли изъ Пскова.
1786. Княгини Дашковой, минералы Россіи и рядъ 19 кристалловъ и окаменѣлостей.
1788. Раздеришина, 90 минераловъ изъ Нерчинска.
1791. Коллекція Хвостова, 1935 нумеровъ.
1792. Германа, геогностическое собраніе съ Урала, 112 нумеровъ.
Озерецковскаго, 760 нум. здѣшнихъ и иностранныхъ минераловъ. Генерала Волкова, минералы изъ Перми.
1796. Раздеришина, русскіе минералы, 169 нумер. Германа, 20 Сибирскихъ минераловъ.
- 1797–98. Нартова, нѣсколько минераловъ. Ренованца 8 серебрянныхъ штуфовъ изъ Колывани.
Германа, 38 минераловъ съ Алтая.
1798. Ловица, 288 кристаллическихъ моделей изъ воска, 85 родовъ соли и осадковъ на стеклѣ.
- 1799–1802. Германа, рядъ минераловъ съ Алтая.
1803. Генерала Сомова, 28 минераловъ изъ Камчатки.
1804. Г. Форстера, 76 минераловъ изъ Испаніи.
Германа, два ящика минераловъ изъ Екатеринбурга.
Севергина, 77 финск. минераловъ и окаменѣлостей.
Давеле, 100 минераловъ и окаменѣлостей.
Г. Форстера, 1029 минераловъ Англіи.
1805. Антоніо Цетти, 94 минерала изъ Норвегіи.
Вагнера, 1146 Венгерскихъ и Семиградскихъ минераловъ.
1806. Изъ наслѣдства Ловица, 1238 минераловъ, безъ обозначенія мѣста происхожденія.

- 1807—8. Адамса, два ящика минераловъ, собранныхъ имъ въ путешествіи по Сибири.
Редовскаго, два ящика минераловъ и два ящика вулканическихъ произведеній.
Коллекція Шеншина, состоящая изъ 2041 н.
Графа Бурнова, 378 рѣдкихъ минераловъ, въ числѣ которыхъ 67 н. шпинеля и 6 алмазовъ.
1811. Шлегельмильха, 65 Кавказскихъ минераловъ.
1812. Эттера, 39 сѣверо-американскихъ минераловъ.
1816. Изъ Петрозаводска, ящикъ съ 145 минералами.
1817. Графа Штейнгеля, 55 финляндскихъ минераловъ.
1818. Профессора Ципсера, двѣ центуріи минераловъ изъ Венгріи.
1819. Норденшельда, 26 финскихъ минераловъ.
Ципсера, третья и четвертая центуріи венгерскихъ минераловъ и каменьевъ.
Любарскаго, минералы изъ Камчатки.
1822. Лангсдорфа, 68 бразильскихъ минераловъ.
Ципсера, пятая центурія минераловъ изъ Венгріи.
Бонсдорфа, 31 шведскій минералъ.
1826. Пандера, рядъ геогностическихъ образцовъ и окаменѣлостей изъ окрестностей Одессы.
1828. Доктора Гофмана, геогностическое собраніе изъ втораго путешествія Коцебу вокругъ свѣта.
1829. Ципсера, шестая центурія венгерскихъ минераловъ.
Лангсдорфа, 57 бразильскихъ минераловъ.
1830. Коллекція Струве, 6570 нумеровъ.
Постельса, геогностическое собраніе изъ путешествія его вокругъ свѣта, 322 нумера.
1831. Эйхвальда, геогностическіе образцы изъ Волыни и Подоліи, 39 нумеровъ, и 35 ископаемыхъ раковинъ.
1832. Германа, 28 минераловъ съ Ильменскихъ горъ.
Сеннонера въ Венеціи, три ящика италіанскихъ минераловъ и каменныхъ породъ.
- 1833—34. 150 породъ минераловъ изъ коллекціи Société philomatique въ Варшавѣ.

- Фуса, два собранія сибирскихъ минераловъ, 49 номеровъ, 143 штуки янтаря, вырытыхъ при постройкѣ Брестъ-Литовской крѣпости.
- Восемь ящиковъ минераловъ и окаменѣлостей изъ Варшавы.
1835. Ваноти въ Неаполѣ, 292 нумера лавы и вулканическихъ продуктовъ Везувія.
1836. Нильсъ-Норденшельда, 25 финляндскихъ минераловъ.
- Беренса, семь норвежскихъ минераловъ.
- Струве въ Гамбургѣ, рядъ Богемскихъ базальтовъ и рядъ финляндскихъ минераловъ.
- Тамнау, 580 норвежскихъ минераловъ.
1838. Кеммерера, 15 штукъ Уральскихъ минераловъ.
- Академика Кеппена, 37 каменныхъ породъ изъ Крыма.
- Веттера, руды и желѣзные колчеданы изъ Тобольска.
1839. Гаугера, 16 сѣверо-американскихъ минераловъ.
- Ципсера, седьмая центурія венгерскихъ минераловъ.
1839. Доктора Лемана, геогностическіе образцы Новой Земли, 58 штукъ.
- Ангелина, 50 номеровъ шведскихъ окаменѣлостей.
- В. Бетлинга, геогностическая коллекція изъ Колы и Финляндіи.
1840. Купріянова, геогностическіе образцы сѣверо-восточнаго берега Америки.
- Доктора Фишера, минералы и окаменѣлости, привезенные имъ изъ путешествія вокругъ свѣта.
- Доктора Шренка, геогностическое собраніе изъ Лапландіи и Архангельской губ.
- Князя Долгорукова, окаменѣлости изъ Гжатска, Смоленской губерніи.
1841. Бэра, каменные породы изъ Лапландіи.
- Жиллè, 15 номеровъ изъ каменноугольнаго прииска Ст.-Этіена.
- Вознесенскаго, геогностическое собраніе, привезенное имъ изъ кругосвѣтнаго плаванія.

- Академика Купфера, 11 пумеровъ Сибирскихъ минераловъ.
- Академика Паррота, девонскіе остатки рыбъ съ Буртнекскаго озера.
1842. Академика Рупрехта, геогностическо-геологическое собраніе изъ его путешествія по полуострову Канину.
- Кошеварова, окаменѣлости изъ Ситхи.
- Беккереля, серебряныя руды и сплавы изъ Мексики.
- Доктора Клодтъ-Бея, окаменѣлости и горныя породы изъ Египта.
- Струве, продукты Гамбургскаго пожара.
- Анатолія Демидова, геогностическо-геологическое собраніе изъ его путешествія въ Крымъ, 434 нумера.
- Академ. Гамеля, собраніе глинистыхъ сланцевъ съ оттисками рыбъ шотландскаго Old-Red.
1843. Изъ Ferdinandeum въ Инсбрукѣ, 204 каменныхъ породъ изъ Тироля.
- Академика Фрицше, 79 н. кавказскихъ породъ.
- Доктора Клодтъ-Бея, окаменѣлости изъ Египта.
- Коленати, 234 куска Кавказскихъ породъ.
1844. Сѣдакова, четыре Сибирскія породы минераловъ, 91 кусокъ.
1845. Базинера, геогностическое собраніе изъ путешествія его въ Оренбургъ и Хиву.
- Мочульскаго, минералы изъ Кавказа и Томска.
- Доктора Александра Лемана, ориктогностическо-геологическое собраніе изъ путешествій его въ Оренбургъ, по Уралу, въ Хиву и Бухарію.
- Гельмерсена, геогностическое собраніе съ Урала и Алтая.
- Изъ Горнаго Корпуса, рядъ остатковъ растений Петровскихъ каменноугольныхъ горъ и Пермскихъ мѣдно-песчаниковыхъ формацій.
- Блёде 200 н. окаменѣлостей различныхъ формацій.

- Академика Миддендорфа, геологическое собраніе
изъ путешествія его по Сибири.
1846. Герцога Лейхтенбергскаго, 40 кусковъ рыбныхъ
остатковъ въ литографическомъ сланцѣ изъ Эйх-
штедта.
Доктора Гревингга, оттиски растений Вальденбург-
ской каменноугольной формациі, 60 штукъ.
Его же, 50 окаменѣлостей различныхъ формаций.
Его же, 50 н. изъ Фрейбергскаго горнаго округа.
Нешеля, геогностическое собраніе изъ Оренбурга и
приволжскихъ мѣстъ, 203 н.
Кранца, швейцарскія горныя породы, 102 н.
Вознесенскаго, окаменѣлости и горныя породы изъ
Россійской Америки, 220 нумеровъ.
Маріо Гемеляро, лава и волканическія произведенія
Этны, 100 кусковъ.
1848. Вознесенскаго, геогностическое собраніе съ ост-
рова Уруна.
Кранца, 100 родовъ девонскихъ окаменѣлостей
съ Рейна и Эйфеля, 100 родовъ силурійскихъ
окаменѣлостей Скандинавіи, 14 родовъ, изъ аллу-
віальныхъ слоевъ Скандинавіи и 4 модели сауровъ
юрскаго періода.
Отъ него же, 260 различныхъ минераловъ.
Батки въ Прагѣ, собраніе искусственныхъ драгоцѣн-
ныхъ камней.
1849. Доктора Гревингга, геогностическое собраніе изъ
его путешествій на полуостровъ Канинъ.
Изъ зоологическаго музея, 10 горн. породъ Персіи.
Бэра младшаго, 55 горныхъ породъ Крыма.
Вознесенскаго, 350 н. породъ Камчатки.
1850. Доктора Штубендорфа, 230 нумеровъ породъ съ
р. Лены и изъ Восточной Сибири.
Ильина, 150 окаменѣлостей изъ Крыма.
1851. Доктора Бузе, 189 нумеровъ горныхъ породъ изъ
его путешествія въ Персію.
Озерскаго, 118 Гороблагодатскихъ горн. породъ.

- Вознесенскаго, 185 номеров окаменѣлостей различныхъ формаций.
1852. Полѣнова, 12 золотыхъ штуфовъ, изъ Бразиліи.
1853. Кранца, 2617 номеровъ триасскихъ окаменѣлостей изъ С. Кассіана, горнаго известняка изъ Ирландіи, Бельгіи и Силезіи, девонскихъ слоевъ Гарца, Рейна и Эйфеля, и силурійскихъ слоевъ Дуная, Скандинавіи, Богеміи и Сѣверной Америки, а также собранія ископаемыхъ рыбъ, трилобитовъ, цефалоподовъ, брахіоподовъ, эхинодермовъ и криноидовъ различныхъ формаций.
1855. Доктора Гревингга, рядъ горныхъ породъ Уральскихъ изумрудныхъ рудниковъ.
- Ниста, собраніе третичныхъ окаменѣлостей изъ Бельгіи, *Système Campinien, Tongrien et Bruxellien*, 247 номеровъ.
- Майера, собраніе третичныхъ окаменѣлостей изъ Бордо; *Système Dertonien, Helvétien, Aquitanien et Tongrien*, 433 номера.
- Кранца, 1032 номера третичныхъ окаменѣлостей изъ верхней Италіи, Вѣны, Тура, Бордо, съ Рейна, и изъ лондонской глины; собраніе коралловъ и окаменѣлостей нуммулитовыхъ, гипуритовыхъ и гозаускихъ слоевъ; окаменѣлости юрской формации, по Квенштедту, 796 номеровъ.
1855. Окаменѣлости парижск. эоценовыхъ слоевъ, 203 нум.
- Окаменѣлости бѣлаго мѣла, изъ Англіи, 50 номер.
1857. Академика Бэра, окаменѣлости приволжскихъ мѣстностей и Мангишлака, 197 номеровъ.
- Академика Шренка, геогностическое и палеонтологическое собраніе, привезенное имъ изъ путешествія въ Ситху, на Сахалинъ и въ Амурскій край.
- К. Дитмара, геогностическое и палеонтологическое собраніе, привезенное имъ изъ путешествій его въ Камчатку и юго-восточную Сибирь.
1858. Майера, второе собраніе третичныхъ окаменѣлостей изъ Бордо (*Syst. Aquitainen*) 229 нум.

- Гера, собраніе третичныхъ растений и насѣкомыхъ изъ Швейцаріи, 601 номеръ.
1859. Петелена, геологическіе образцы съ о. Кадьяка въ Алеутскомъ морѣ, 138 номеровъ.
- Борщова, геогностическіе образцы изъ Аральскихъ степей, 24 номера.
- Дейке, собраніе третичныхъ окаменѣлостей С.-Галлена, 201 номеръ.
1860. Тамберлика, собраніе міоценовыхъ окаменѣлостей изъ Параны въ Южной Америкѣ, 112 нум.
- Максимовича, горныя породы изъ его путешествія по Уссурі, 24 номера.
1861. Профессора Нордмана, ископаемыя кости третичной формаціи близъ Одессы и Кишенева, 54 нум.
- Сѣверцова, геогностическое и палеонтологическое собраніе изъ путешествія его въ Усть-Уртъ, 142 номера.
- Максимовича, второе собраніе съ верхняго Уссурі и его притоковъ, а также съ береговъ Южнаго Океана, 58 номер.
- Ископаемыи буйволовыя и лошадиныя кости съ Урала, 19 номеровъ.
- Русскаго Географическаго Общества, окаменѣлости и горныя породы съ Унжи, 9 номер.
1862. Ивашинцова, образцы почвъ со дна и съ береговъ Каспійскаго моря, 11 номеровъ.
- Доктора Албрехта, продукты Японскихъ огнедышущихъ горъ и рудниковъ близъ Гакодаде, 10 номеровъ.
- Барбо-де-Марни, геогностическое и палеонтологическое собраніе съ приволжскихъ степей и изъ экспедиціи по Манычу, 115 номеровъ.
1863. Гамеля младшаго, большіе камни и доски пестраго песчаника съ оттисками водорослей и слѣдами лабиринтодонта, а также гипсовыя копіи съ оныхъ, 24 номера.

Доктора Албрехта, каменные породы и руды изъ окрестностей Гакодаде въ Японіи, 12 номеровъ.

Ад. Гёбеля, геологическіе образцы съ Каспійскаго моря, а именно: геогностическій рядъ съ полуострова Апшеронскаго, 68 номеровъ, и съ Челекенскаго острова, 61 номеръ. Окаменѣлыя третичныя раковины Каспійской котловины, 27 номеровъ. (300 штукъ). Образцы почвы со дна Каспійскаго моря и скорлупы слизняковъ съ различныхъ глубинъ онаго, 42 номера. Скорлупы тысячами живущихъ до сихъ поръ слизняковъ, оттуда же.

О нынѣшнемъ состояніи Минералогическаго музея.

Нынѣшній минералогическій и геологическій музей заключаетъ въ себѣ около 180 коллекцій, болѣе или менѣе значительныхъ по объему, которыя Академія пріобрѣтала постепенно со временъ Петра Великаго до нашихъ дней; кромѣ того, въ музеѣ не мало отдѣльныхъ собраній, состоящихъ только изъ нѣсколькихъ предметовъ. Послѣ многократныхъ преобразованій, происходившихъ въ разное время, и соединенія различныхъ коллекцій въ одно цѣлое, многія изъ этихъ собраній до такой степени измѣнили свой первоначальный видъ, что по оставшимся частямъ трудно узнать и опредѣлить настоящее ихъ происхожденіе. Но эта неопредѣленность въ большей части случаевъ не можетъ быть названа потерей, и если даже отъ частыхъ преобразованій произошла убыль для музея, то она была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго состоянія науки. Съ постепеннымъ развитіемъ науки, въ высшей степени измѣняются наши понятія и научныя убѣжденія относительно внутренняго значенія разныхъ предметовъ. Поэтому важность и цѣнность ихъ съ теченіемъ времени то увеличивается, то уменьшается. Такъ напр. аэролиты, на которые въ прошломъ столѣтіи не обращали вниманія, нынѣ принадлежатъ

къ рѣдкимъ и самымъ драгоцѣннымъ предметамъ. Значеніе и важность хорошо сохранившихся окаменѣлостей были признаны только въ текущемъ столѣтіи, и съ возрастаніемъ числа изслѣдователей этой вѣтви науки, цѣнность этихъ предметовъ постоянно увеличивается. Съ другой стороны, такъ называемые *lusus naturae* (морфолиты, дендролиты и многіе шлифованные камни) причислены къ хламу, а сочиненія и статьи о нихъ поступили въ маклатуру. Кристаллизованные минералы разныхъ породъ, составлявшіе въ прежнія времена главное достоинство коллекцій изъ царства неорганической природы, въ настоящее время, по узнаніи ихъ кристаллической формы, физическихъ качествъ и химическаго состава, представляютъ только второстепенный интересъ, и имѣютъ теперь значеніе единственно какъ псевдоморфозы. Напротивъ, изслѣдователь новѣйшаго времени останавливается въ размышленіи надъ составными кристаллическими и метаморфическими камнями, на которые прежде не обращали вниманія, и старается объяснить себѣ процессъ ихъ образованія, отчасти искусственнымъ воспроизведеніемъ въ лабораторіи химическихъ и физическихъ условій, при которыхъ онѣ явились, отчасти изученіемъ великихъ явленій въ природѣ на большихъ пространствахъ.

То обстоятельство, что въ первыя 30 лѣтъ нынѣшняго столѣтія на музей обращали мало вниманія, и какъ кажется, не имѣлось удобнаго помѣщенія и надлежащаго надзора на нимъ, не очень благопріятствовало приведенію въ порядокъ, внутреннему единству и дальнѣйшему развитію его въ той степени, которая требуется для публичнаго музея, имѣющаго и научную цѣль. Въ послѣдствіи консерваторы сдѣлали для него все, что позволяли обстоятельства.

Всѣ эти условія не могли оставаться безъ вліянія на нынѣшнее положеніе коллекцій, которыхъ составъ и порядокъ, какъ и всѣхъ музеевъ и коллекцій вообще, представляютъ вѣрный отпечатокъ положенія образованности и характера каждаго консерватора, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, которыя ими самими устроены, или же составляли предметъ ихъ спеціальнаго занятія и изученія.

Нынѣшнее помѣщеніе музея состоитъ изъ двухъ большихъ залъ о восьми окнахъ и изъ трехъ маленькихъ комнатъ для занятій, изъ которыхъ двѣ, отдѣльно лежація, принадлежатъ къ Азіятскому музею и на время отведены для минералогическаго музея; кромѣ того, музею принадлежатъ комната для служителя и темный холодный корридоръ.

Въ залахъ, вдоль стѣнъ, хранятся въ большихъ стеклянныхъ шкафахъ общія ориктогностическія коллекціи, которыя устроены по системѣ, основанной на химическихъ началахъ, а также общая коллекція окаменѣлостей, распределенная по формаціямъ. Въ небольшомъ стѣнномъ шкафѣ находится коллекція минераловъ разныхъ породъ, которые расположены по шести кристаллографическимъ системамъ; въ этой коллекціи немногіе нумера имѣютъ достаточно явственную кристаллизацию.

Вдоль оконъ помѣщено на тумбахъ нѣсколько предметовъ большаго объема, какъ-то: знаменитая желѣзная масса Палласа, аэролитъ Тимошина, базальтовый столбъ Антрима и ошлифованный кусокъ лабрадора.

Внутреннее пространство каждой залы занято четырьмя большими двойными надстольными шкафами; на верхней плоскости каждаго изъ нихъ находится стеклянная надставка, въ которой помѣщены болѣе великолѣпные и рѣдкіе предметы.

Находящіеся въ этихъ надстольныхъ шкафахъ большіе ящики, которыхъ всего 384, заключаютъ къ себѣ самые важные предметы музея. Въ нихъ находятся научныя спеціальныя коллекціи, окаменѣлости, представляющія отдѣльныя формаціи, и коллекціи, дающія понятіе о геологическомъ составѣ различныхъ странъ; кромѣ того, тутъ же помѣщаются предметы по части геологіи, полученные музеемъ изъ путешествій, совершенныхъ съ ученою цѣлью отчасти членами Академіи, отчасти другими учеными. Между этими собраніями занимаютъ первое мѣсто коллекціи, относящіяся къ Россійской Имперіи, отъ Ситхи и береговъ Южнаго Океана до запада Россіи, и отъ Новой Земли и Таймырской тундры до Персидской и Китайской границъ.

Въ двухъ боковыхъ комнатахъ помѣщены коллекціи изъ экспедицій въ юго-западную центральную Азію, а также пробы

водъ различныхъ морей Имперіи, которыя были собраны въ разныхъ экспедиціяхъ и представляютъ драгоцѣнный и любопытный матеріалъ для составленія химической геологіи русскихъ водъ. Онѣ назначены для химическаго анализа, но до сихъ поръ, за неимѣніемъ средствъ и возможности произвести изслѣдованія такого рода, нельзя было приступить къ этому труду.

Въ темномъ корридорѣ поставлены одинъ на другой около 60 ящиковъ отобранныхъ минераловъ и камней, большая часть которыхъ осталась отъ прошлаго столѣтія, а меньшая представляетъ еще хорошіе и годные дублеты, которые, за неимѣніемъ мѣста, не могли быть выставлены въ музеѣ.

Устройство и распредѣленіе находящихся въ залахъ коллекцій производились мало по малу, со времени перемѣщенія минералогическихъ собраній Академіи изъ стараго зданія (прежней кунсткамеры) въ нынѣшнее помѣщеніе. Съ 1831 по 1861 годъ, состояли консерваторами музея слѣдующія лица: г. Постельсъ, г. Гельмерсенъ, подполковникъ Бледе, докторъ Гревингкъ, магистръ Р. Пахтъ, магистръ Соколовъ, а съ Іюня 1861 состоитъ авторъ этого обзора. Директорами были въ продолженіе того же періода времени: г. академикъ Д. С. С. Купферъ и нынѣшній директоръ, академикъ, генералъ-лейтенантъ Гр. П. Гельмерсенъ.

Количество находящихся въ коллекціяхъ предметовъ составляетъ, согласно веденной съ 1838 г. по настоящее время описи, 48.173.

Нынѣ музей переполненъ, и трудно находить въ немъ мѣсто для новыхъ приобрѣтеній. Вообще существующее устройство музея уже давно отстало отъ времени и требуетъ кореннаго преобразованія. Этому обстоятельству слѣдуетъ главнѣйшимъ образомъ приписать причину весьма ограниченной пользы, которую музей понынѣ приносилъ обществу и наукѣ. Толпѣ, ежегодно посѣщающей музей, выставленные минералы, руды, камни и окаменѣлости могутъ служить только предметомъ минутнаго любопытства, потому что общее состояніе образованія и господствующее умственное направленіе нашей публики не таково, чтобы одно поверхностное разсмотрѣніе предметовъ царства природы приносило ей существенную пользу или

доставляло высокое умственное наслаждение. Такие предметы поучительны только для посѣтителя, который приносить съ собою уже нѣкоторыя свѣдѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ дѣйствительный интересъ къ наукѣ. У насъ же еще очень мало любителей минералогіи и геологіи, а еще менѣе — ученыхъ и специалистовъ въ этой отрасли естествознанія. Но даже для специалиста, нынѣшній минералогическій музей представляетъ только относительное и весьма ограниченное значеніе. Одинъ только кристаллографъ найдетъ въ немъ, по прежнему, благодарную почву. Кромѣ того музей представляетъ изслѣдователю только возможность разсматривать и сличать коллекціи, безъ всякихъ другихъ существенныхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя необходимы для занятій такого рода.

Во-первыхъ, для такихъ занятій не достаетъ удобнаго помѣщенія; потомъ, у минералогическаго кабинета нѣтъ собственной библіотеки, этого необходимаго пособія каждаго публичнаго научнаго собранія; и если бы не очень значительное минералогическое и геологическое отдѣленіе академической библіотеки передать въ минералогическій музей, какъ это сдѣлано въ отношеніи зоологическаго, ботаническаго и азійскаго музеевъ, то для помѣщенія этой библіотеки не нашлось бы въ немъ мѣста. Наконецъ, минералогическому музею не достаетъ того, чѣмъ онъ дѣйствительно могъ бы приносить немаловажную пользу наукѣ и обществу, а именно собственной химической лабораторіи. А пока этого не будетъ, производить минералогическія и геологическія изслѣдованія въ минералогическомъ музеѣ Академіи неудобно, и нельзя требовать отъ него тѣхъ услугъ, которыя онъ могъ бы оказывать при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Если будемъ имѣть въ виду, что внѣшнія условія и вспомогательныя средства минералогическаго музея и его консерваторовъ съ 1831 г., т. е. въ теченіе 33 лѣтъ нисколько не улучшились, между тѣмъ какъ познаніе неорганической природы въ это время весьма подвинулось, что эта отрасль естественныхъ наукъ получила новое направленіе и идетъ совершенно новымъ путемъ, на которомъ трудъ ученыхъ безконечно раздѣлился и принялъ болѣе спеціальный характеръ, и что наконецъ поэтому научныя требованія отъ каждаго, какъ

и вообще житейскія требованія, въ продолженіе этого времени весьма увеличились, то измѣненіе настоящаго положенія музея окажется неизбѣжною потребностію. Впрочемъ, здѣсь было бы неумѣстно подробнѣе развѣивать приведенныя нами идеи и ихъ послѣдствія.

Съ предоставленіемъ минералогическому музею вышепояннутыхъ трехъ необходимыхъ условій, для него начался бы новый, болѣе цвѣтущій періодъ. Публичныя коллекціи не должны быть мертвымъ капиталомъ; онѣ назначены служить для того, чтобы, на основаніи имѣющагося матеріала, представлять новыя данныя, развѣивать новыя идеи, и содѣйствовать къ обогащенію нашихъ познаній.

Если же, по учрежденіи геологическаго заведенія, подобнаго Вѣнскому, минералогическій музей Академіи будетъ присоединенъ къ нему, то, по нашему разумѣнію, онъ достигнетъ своего настоящаго и окончательнаго назначенія. Предложеніе объ учрежденіи въ Россіи Государственнаго геологическаго заведенія было сдѣлано Министерству Финансовъ еще въ прошломъ году академикомъ Гельмерсеномъ *).



*) См. Горный Журналъ. 1863. Июль.

IV.

АЗІЯТСКІЙ МУЗЕЙ.

СТАТЯ АКАДЕМИКА Б. А. ДОРНА.

Азіятскій музей основанъ 11-го ноября 1818 года. Начало ученыхъ коллекцій, вошедшихъ въ составъ его, относится къ первой четверти прошедшаго столѣтія, когда Петръ Великій, основатель Академіи, обратилъ вниманіе свое и на изученіе востока. Въ его царствованіе положено начало коллекціямъ китайскихъ, манджурскихъ, японскихъ, монгольскихъ и тибетскихъ сочиненій, а также и другихъ мухаммеданскихъ рѣдкостей, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, и мухаммеданскихъ монетъ. Все это хранилось тогда и въ послѣдствіи времени въ построенной имъ кунсткамерѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ можно видѣть изъ прилагаемой описи за лит. А., подобнаго рода пріобрѣтенія не прекращались, что и изложено во всей подробности въ моемъ сочиненіи *). Хотя предметы эти поступали постепенно, однако если представить себѣ ихъ въ совокупности и собранными воедино, то можно положительно сказать, что уже въ исходѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія изъ нихъ можно было составить азіятскій музей. Между тѣмъ не доставало только ученаго, который принялъ бы особенно дѣятельное участіе въ изученіи востока и въ пріобрѣтеніи азіятскихъ достопримѣчательностей, и

*) Das Asiatische Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Von B. Dorn. St. Petersburg. 1846.

который преимущественно посвятилъ бы себя ученымъ розысканіямъ по этой части. Таковымъ явился наконецъ поступившій въ 1817 году въ Академію знаменитый Френъ, который поставилъ себѣ первою задачею привести въ систематическій порядокъ и описать многочисленныя коллекціи восточныхъ монетъ. Когда же въ 1818 году Академія пріобрѣла еще первую коллекцію арабскихъ рукописей, принадлежавшихъ Руссо, тогда, по предложенію Френа и при содѣйствіи тогдашняго президента Академіи С. С. Уварова, автора сочиненія: «Projet d'une Académie asiatique», основанъ былъ азіятскій музей, въ которомъ были собраны воедино всѣ принадлежащія Академіи, относящіяся къ востоку предметы, которые были дотолѣ разсѣяны въ кунсткамерѣ, библіотекѣ и архивѣ Академіи. Нынѣшній этнографическій музей входилъ тогда еще въ составъ азіятскаго музея, отъ котораго отдѣлился только въ 1837 году. Покойный Френъ былъ неутомимымъ директоромъ азіятскаго музея по 1842 годъ, съ котораго времени этимъ музеемъ завѣдуетъ его преемникъ. Не касаясь здѣсь обстоятельной и дальнѣйшей исторіи азіятскаго музея, которая подробно изложена по 1845-й годъ въ названномъ сочиненіи, пишущій эти строки не можетъ однакоже не замѣтить, что съ помянутаго года ученныя сокровища музея, заключающіяся въ печатныхъ сочиненіяхъ, рукописяхъ, монетахъ, древностяхъ и проч., въ значительной степени умножились отъ покупокъ и приношеній. Упомяну здѣсь только о древностяхъ, вырытыхъ въ теченіе 1843—1844 г. изъ Царевскихъ кургановъ и отчасти поступившихъ въ музей; о грузинскихъ рукописяхъ, оставшихся послѣ царевича Теймураза (1847 г.); о достопримѣчательностяхъ, присланныхъ академикомъ Броссе во время его путешествія по Кавказу (1848); о мухаммеданскихъ рукописяхъ, принесенныхъ въ даръ Секине-Ханумомъ (1852); о Френовой библіотекѣ, пріобрѣтенной послѣ его смерти (1852); о Геберлиновой коллекціи санскритскихъ рукописей (1855); о рукописяхъ и книгахъ, пріобрѣтенныхъ по смерти академиковъ Шмидта (1847) и Шегрена (1862); о монетахъ, рукописяхъ и древностяхъ, принесенныхъ въ даръ нашимъ членомъ-корреспондентомъ Ханыковымъ и отчасти купленныхъ у него (приблизительно въ 1850—1860 г.); о мо-

нетахъ съ Пехлевискими надписями, принесенныхъ въ даръ генераломъ Бартоломеемъ; о монетахъ, рукописяхъ, древностяхъ и надписяхъ, привезенныхъ мною изъ Персіи и Кавказа (1861), и о рукописяхъ и монетахъ, приобрѣтенныхъ г. Лерхомъ въ Бухарѣ (1859). Въ каталогахъ восточнымъ рукописямъ явились новые отдѣлы: Киргизскій, Афганскій, Мазандеранскій, Гилянскій, Талишскій, Татскій, Сіамскій и т. д. При этомъ весьма отрадно замѣтить, что, начиная отъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ Имперіи до частныхъ лицъ, всюду обнаруживалась величайшая готовность содѣйствовать обогащенію нашего музея.

О важнѣйшихъ приобрѣтеніяхъ постоянно доводилось до свѣдѣнія публики членами Академіи и другими учеными, преимущественно въ Бюллетенѣ. См. приложение Б.

Въ 1863 году новыя приобрѣтенія музея были не менѣе значительны, чѣмъ въ прошедшихъ годахъ. Число печатныхъ сочиненій увеличилось 441 номеромъ въ 539 томахъ. Сверхъ того поступило шесть мухаммеданскихъ рукописей и 160 писемъ, фирмановъ и т. п. Въ отдѣлъ рукописныхъ достопримѣчательностей поступило 3 номера. Мухаммеданскій Минцъ-Кабинетъ обогатился 103 монетами.

Итакъ настоящій составъ азіятскаго музея представляетъ слѣдующія общія цифры:

	Нумеровъ.
Отдѣленіе I. Библіотека (печатныя книги)	8,937
	Томовъ.

Отдѣленіе II. Рукописи:

а) Мухаммеданскихъ, т. е. Арабскихъ, Персидскихъ Турецкихъ, Татарскихъ, Киргизскихъ, Афганскихъ и т. д.	1,210
б) Грузинскихъ	231
с) Армянскихъ	45
д) Китайскихъ и Японскихъ ксилографовъ и рукописей	1,369
е) Санскритскихъ	163
ф) Тибетскихъ, Тибето-Монгольскихъ и пр.	562
г) Монгольскихъ и Калмыцкихъ	390

h) Сіямскихъ	1
Отдѣленіе III. Смѣсь (отрывки изъ рукописей, карты, и проч.	216
Отдѣленіе IV. Минцъ-Кабинетъ:	
a) Мухаммеданскихъ монетъ	19,182
b) Древне-Персидскихъ	385
c) Индійскихъ	36
d) Китайскихъ и Японскихъ	2,969
e) Туранскихъ (такъ-называемыхъ)	63
f) Еврейскихъ	15
g) Христіанскихъ монетъ:	
1) Испанская	1
2) Норманскихъ	10
3) Грузинскихъ	94
4) Армянскихъ	12
5) Индійскихъ	17
Отдѣленіе V. Древности.	269

Для облегченія доступа ко всѣмъ упомянутымъ сокровищамъ музея, и для удобства пользоваться ими, служатъ разные каталоги:

I. Для печатныхъ книгъ имѣются каталоги: систематическій, алфавитный и акцессионный. Книги Еврейскія занесены въ особый каталогъ, составленный г. Гурляндомъ. Для восточныхъ книгъ, печатанныхъ въ Персіи, Константинополѣ и Египтѣ, есть каталогъ алфавитный.

II. Мухаммеданскія рукописи внесены въ систематическій каталогъ, составленный академикомъ Френомъ; Грузинскія рукописи—въ систематическій каталогъ, составленный профессоромъ Чубиновымъ; Армянскія рукописи — въ каталогъ, составленный академикомъ Броссе; Тибетскія рукописи и ксилографы — въ систематическій каталогъ, составленный академиками Шмидтомъ и Бетлингомъ; Санскритскія рукописи — въ каталогъ, составленный академикомъ Бетлингомъ; Китайскія книги — въ каталогъ, составленный академикомъ Броссе; Манджурскія книги — въ каталогъ, составленный Дорджи-Банзаровымъ, и наконецъ Монгольскимъ и Калмыцкимъ книгамъ начатъ каталогъ покойнымъ Гомбоевымъ.

III. Описаніе третьяго отдѣленія библіотеки находится въ печатной исторіи азіятскаго музея.

IV. Каталогъ Мухаммеданскому Минцъ-Кабинету по 1854 годъ заключается въ «*Fraehnii Resensio*» и его же, «*Nova Supplementa*, ed. Dorn». Petropoli. 1854.

Каталогъ Китайскимъ монетамъ составленъ барономъ Шодуаромъ.

V. Древности описаны въ исторіи азіятскаго музея. Что касается древностей, вырытыхъ изъ Царевскихъ кургановъ, числомъ 114, то для нихъ есть также особенная опись.

Можно положительно сказать, что азіятскій музей вполне соотвѣтствуетъ той цѣли, съ которою онъ основанъ. Не только члены Академіи находятъ въ немъ въ изобиліи литературныя пособія для ученыхъ своихъ занятій, но и посторонніе ученые, профессора, студенты и любители постоянно посѣщаютъ музей и безпрепятственно пользуются его безчисленными сокровищами, которыя, какъ свойственно чисто ученому учрежденію, размѣщены въ систематическомъ порядкѣ. Въ истекшемъ 1863 году, число постоянныхъ его посѣтителей простиралось до пятидесяти, и они вообще не ограничиваются только лицами, проживающими въ С. Петербургѣ. Многимъ русскимъ ученымъ были высылаемы, по просьбѣ ихъ, разныя литературныя пособія во внутреннія губерніи Россіи. Музей нашъ отличается отъ многихъ подобныхъ заграничныхъ учреждений именно тѣмъ, что ссужаетъ и иностранныхъ ученыхъ своими сокровищами съ величайшею готовностью и радушіемъ, что и оцѣнено надлежащимъ образомъ учеными другихъ странъ. Можно поименовать многихъ иностранныхъ ученыхъ, которые уже въ 1845 году пользовались литературными пособіями нашего Музея; съ того времени число ихъ значительно увеличилось, и разные оріенталисты Германіи, Франціи, Англіи, Даніи и Италіи могутъ подтвердить справедливость этого показанія.

Азіятскій музей, по положенію, открытъ ежедневно отъ 10 часовъ утра до полудня, за исключеніемъ субботнихъ, воскресныхъ и праздничныхъ дней; но желающіе допускаются въ оный и въ эти дни, а отпускъ книгъ производится, по просьбѣ, во всякое время дня.

ПРИЛОЖЕНІЕ А.

Опись приобрѣтеніямъ съ 1720 по 1818 годъ, которыми
положено основаніе Азіятскому музею.

1720. Тангутскія и Монгольскія сочиненія.
1720—1. Указъ Петра Великаго Сибирскому губернатору
о передачѣ рѣдкихъ и достопримѣчательныхъ
предметовъ въ Кунсткамеру.
1724. Восточныя рѣдкости, прибрѣтенныя д-ромъ Букс-
баумомъ.
1725. Китайскія и Татарскія рѣдкости.
1726. Азіятскія достопримѣчательности, изъ коллекціи
лейбъ-медика Арескина, и другія.
1727. Достопримѣчательности, прибрѣтенныя Мессер-
шмидтомъ.
1728. Азіятскія монеты.
1730. Китайскія книги.
1736. Коллекція монетъ фельдцейхмейстера Брюса.
1741. Достопримѣчательности, доставленныя Милле-
ромъ и Гмелиномъ.
1745. Древности изъ Сибирскихъ могилъ.
1754. Китайскія и Татарскія достопримѣчательности.
1769—74. Достопримѣчательности, прибрѣтенныя академи-
ками Палласомъ, Гмелиномъ, Лепехинымъ,
Гильденштедтомъ и Фалькомъ.
1775. Достопримѣчательности съ Курильскихъ остро-
вовъ.
1781—92. Ученыя записки и другія достопримѣчательности
Іерига.

1783. Китайскія книги.
1784. Разныя Азіятскія рукописи.
1785. Мухаммеданскія монеты.
1786. Золотыя серги, найденныя въ Болгарахъ.
1791—95. Японскія достопримѣчательности и другіе предметы: монеты, рукописи и пр.
1794. Курильскія, Алеутскія и Японскія достопримѣчательности. Монеты.
1802. Милайская рукопись.
1803. Мухаммеданскія монеты. Словарь и грамматика Японскаго языка.
1806. Калмыцкій идолъ. Тунгусскія и Киргизскія одежды.
1807. Жемчужная раковина съ восточными надписями. Персидская рукопись. Манджурскія и Китайскія книги.
1809. Манджуро-Китайско-Русскій словарь.
1810—11. Китайскія книги.
1818. Первая коллекція Арабскихъ рукописей, принадлежавшая Руссо.

ПРИЛОЖЕНІЕ Б.

Френъ:

1) Ueber einige dem Asiatischen Museum von Herrn Dr. Hansen zum Geschenk dargebrachte Münzen. Bull. hist.-philol. T. III. 244.

2) Verzeichniss der von Herrn Dr. Koehne der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften für das Asiatische Museum verehrten Münzen. Ibid. 246.

3) Ueber einen kleinen Beitrag zur numismatischen Abtheilung des Asiatischen Museums. Ib. S. 269.

4) Ueber einige merkwürdige Inedita unter den von Herrn Obrist-Lieut. Woskoboinikow in Persien angesammelten Münzen. Ibid. IV. S. 42.

5) Die Inedita einer neuen, der numismatischen Abtheilung des Asiatischen Museums aus Persien gewordenen Accession. Ibid. S. 245.

Шмидт:

1) Ueber eine mongolische Quadratschrift aus der Regierungszeit der Mongolischen Dynastie Juan in China. Ibid. S. 129.

Шмидт и Бетлин:

2) Verzeichniss der Tibetischen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften. Ibid. S. 81.

Броссе:

1) Rapport de M. Brosset sur un manuscrit arménien. Ibid. T. VI. S. 380.

2) Rapport de M. Brosset sur quelques dons offerts à l'Académie. Ib. T. X. S. 62.

3) Notice sur un manuscrit arménien des Epîtres de S. Paul. Ib. XVI. S. 351.

Бетлин:

1) См. Шмидт 2).

2) Ueber eine Tibetische Uebersetzung des Amara-Kosha im As. Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften. Ibid. T. III. S. 209.

3) Nachtrag zu der in № 9 dieses Bulletins gegebenen Erklärung einer Mongolischen Inschrift auf einer Silberplatte. Ib. T. V. S. 177.

4) Bericht über eine Büchersendung aus Calcutta. Ib. T. VIII. S. 103.

Шифнер:

1) Nachträge zu den von O. Boehtlingk und I. J. Schmidt verfassten Verzeichnissen der auf Indien und Tibet bezüglichen

Handschriften und Holzdrucke im As. Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften. Ib. T. V. S. 145.

2) Bericht über die neueste Büchersendung aus Peking. Ib. T. IX. S. 10.

3) Ueber die Nepalischen, Assamischen und Ceylonischen Münzen des Asiatischen Museums. Ib. T. XII. S. 150. (Vergl. Nova Supplementa; S. 342).

Вельяминовъ-Зерновъ:

1) Description de deux monnaies inédites, appartenant à la dynastie des Nasrides d'Espagne. Mélang. asiat. T. IV. S. 15.

2) Description de quelques monnaies de l'oulous de Djaghtaï. Mém. asiat. T. IV, p. 137.

Дорнъ.

1) Rapport sur quelques nouvelles acquisitions du Musée Asiatique. Bullet. hist. phil. T. III, p. 203.

2) Deux rapports sur quelques nouvelles acquisitions du Musée Asiatique. Ibid. S. 220.

3) Ueber eine Bereicherung des Asiatischen Museums. Ib. T. IV. S. 237.

4) Ueber die auf Nadir Schah's Befehl verfasste Persische Uebersetzung der vier Evangelien. Ib. T. V. S. 55.

5) Ueber die letzten dem Asiatischen Museum zugekommenen muhammedanischen Handschriften. Ib. S. 103.

6) Ueber einige der neuesten Münzerwerbungen des Asiatischen Museums. Ib. S. 139.

7) Die letzten Erwerbungen des Asiatischen Museums im J. 1848. Ib. T. VI. 129.

8) Rapport de M. Dorn sur les monnaies orientales offertes en don par M. Kasatschenko. Ib. T. IX. S. 283.

9) Die berühmtesten muhammedanischen Schönschreiber. Ib. T. X. S. 65.

10) Ueber die dem Asiatischen Museum seit dem J. 1850 zugekommenen muhammed. Handschriften. Ibid. S. 76.

11) Die Pehlewy-Münzen des Asiatischen Museums der Kais. Akademie d. Wissenschaften. Ib. T. XI. S. 225.

12) Acquisitions nouvelles. Ib. T. XII. S. 316.

13) Ueber die letzten dem Asiatischen Museum zugekommenen Pehlewy-Münzen. Ib. T. VIII. S. 396.

14) An die histor. phil. Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften. (über Geschenke Chanykov's). Ib. T. XIV. S. 218.

15) Bericht über die von Herrn Gardeoberst v. Bartholomäi dem Asiatischen Museum verehrten Münzen. Ibid. S. 390.

16) Ueber einige Muschel-Talismane. Ib. 294.

17) Verzeichniss der von H. Garde-Oberst v. Bartholomäi dem Asiatischen Museum verehrten Münzen. Ib. T. XV. S. 168.

18) Bericht I—V. Ueber die von W. Staats-R. Chanykov dem Asiatischen Museum übersandten Geschenke und sonstigen Erwerbungen. Ibid. T. XVI. S. 69 — 72. 102. 152. Bull. I. S. 513.

19) Der Säbel Hadschi Murad's. Mél. as. T. III. S. 707.

20) Die von Herrn Gussev dem Asiatischen Museum geschenkten muhammedanischen Münzen. Ib. p. 712.

21) Bericht über eine wissenschaftliche Reise in den Kaukasus. Ib. T. IV. p. 429.

Банзаровъ:

1) Каталогъ книгамъ и рукописямъ на Манджурскомъ языкѣ, находящимся въ Азіятскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ, составл. Д. Б. Bull. hist. phil. T. V. S. 83.

2) Erklärung einer Mongolischen Inschrift auf einer im Je-katerinoslaw'schen Gouvernement auf den Gütern des Herrn Barons A. von Stieglitz ausgegrabenen Silberplatte. Ibid. S. 129.

Ханьковъ:

1) Lettre de M. Khanykov à M. Dorn. (Description d'un manuscrit et d'un astrolabe etc.) Bull. T. XII. S. 161. 4 pб. 121.

2) Extrait d'une lettre à M. Dorn. (Sur l'histoire du Karabagh, par Mirza Ady Guzel). Ib. Bullet. T. XIII. S. 141.

3) Extrait d'une lettre à M. Dorn. (Sur quelques monnaies et un astrolabe). Ib. S. 173.

4) Extrait d'une lettre à M. Dorn. (Sur quelques monnaies, une sphère céleste etc.). Ib. T. XIV. S. 226.

Дерхъ:

О разныхъ приобрѣтеніяхъ касательно языка и пр. Курдовъ — находятся подробныя свѣдѣнія въ его сочиненіяхъ по этому предмету.

V.

МИНЦЪ-КАБИНЕТЪ.

СТАТЬЯ ХРАНИТЕЛЯ СЕГО КАБИНЕТА АД. ИВ. ГРИММА.

Первымъ приобрѣтеніемъ по нумизматической части для основанной въ 1714 г. Петромъ Великимъ Кунсткамеры можно, безъ сомнѣнія, считать купленные въ 1721 г. въ Гамбургѣ изъ Лидерова медальнаго кабинета золотыя монеты и часть серебряныхъ древнихъ монетъ и новыхъ медалей. По открытіи въ декабрѣ 1726 г. Императорской Академіи Наукъ, поступили въ оную монеты, составлявшія часть Кунсткамеры, число коихъ въ скоромъ времени (1727 г.) умножилось присланнымъ отъ Двора, «знатнымъ числомъ монетъ и медалей», а въ 1738 г. приобрѣтеніемъ остальной части Лидерова собранія. О составѣ собранной такимъ образомъ нумизматической коллекціи можно легко судить по предпринятому библіотекаремъ Академіи и совѣтникомъ канцеляріи Шумахеромъ описанію кунсткамеры. Этотъ трудъ по отдѣльнымъ его частямъ исполненъ былъ разными учеными и изданъ подъ заглавіемъ *Musei Imperialis Petropolitani* vol. I et II 8 1745. Вторая часть втораго тома этого изданія посвящена описанію древнихъ монетъ, а третья часть описанію монетъ и медалей новыхъ временъ. Съ того времени нумизматическая коллекція Академіи возростала мало по малу, частію принесенными въ даръ монетами, частію приобрѣтеніемъ цѣлыхъ собраній.

Въ составъ нынѣшняго нумизматическаго кабинета Академіи Наукъ входятъ: 1) древнія греческія монеты, 2) довольно

богатое собраніе древнихъ римскихъ монетъ и 3) монеты и медали новѣйшихъ временъ. Сверхъ того хранится въ этомъ кабинетѣ весьма полезное для изученія древней нумизматики, составленное извѣстнымъ французскимъ ученымъ Міоннѣ, собраніе сѣрныхъ оттисковъ съ греческихъ и римскихъ монетъ, прибрѣтенное въ 1854 г. покупкою отъ Императорской Публичной Библіотеки. Для ученыхъ занятій по другимъ частямъ археологій, собрано здѣсь также нѣкоторое количество древнихъ греческихъ вазъ, разныхъ предметовъ изъ обожженной глины, гипсовые оттиски рѣзныхъ камней, какъ напр. собранія Кадеса и берлинскаго музея и другіе предметы.

Въ теченіе нынѣшняго года прибрѣтены для нумизматическаго кабинета 160 древнихъ греческихъ серебряныхъ монетъ, въ томъ числѣ нѣкоторыя довольно примѣчательныя, относящіяся къ Ахейскому союзу, и 6 греческихъ вазъ съ весьма любопытными изображеніями.

Для ученыхъ изысканій, въ особенности по части нумизматики, милицъ-кабинетъ Императорской Академіи Наукъ доставляетъ богатый матеріалъ, и любители этой науки, равно какъ и иностранные ученые часто посѣщаютъ этотъ кабинетъ и обращаются въ оный съ требованіями по спеціальнымъ имъ занятіямъ.

